

Биография

Гайворовский Александр Александрович: данные биографии #1

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. В статье автор рассказывает о судьбе советского психолога, не принадлежавшего к самым известным, Александре Александровиче Гайворовском (1899-1963). Успев активно поработать и педологом, и психотехником в Минске, Краснодаре и Ростове-на-Дону, вторую часть своей жизни он провел в родном городе Самаре (Куйбышеве) на кафедре педагогики. Вместе со своим старшим другом и учителем С.М. Василейским фактически создавший психологию в Беларуси, он забыт современными психологами.

Ключевые слова: Психология, педология, психотехника, СССР, Самарский государственный университет, Инбелкульт, Белорусский государственный университет, Кубанский пединститут, Ростовский пединститут, психотехническая лаборатория, Куйбышевский пединститут, «павловская сессия».

Gaivorovsky Aleksandr Aleksandrovich: facts of biography #1

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. In the article the author tells about the fate of the Soviet psychologist, who did not belong to the most famous ones, Alexander Alexandrovich Gayvorovsky (1899-1963). Having successfully worked as a pedologist and psychotechnician in Minsk, Krasnodar and Rostov-on-Don, he spent the second part of his life in his native city of Samara (Kuibyshev) at the department of pedagogics. Together with his elder friend and teacher S.M. Vasileysky actually created psychology in Belarus, he is forgotten by modern psychologists.

Keywords: Psychology, Pedology, Psychotechnics, USSR, Samara State University, Inbelcult, Belarusian State University, Kuban Pedagogical Institute, Rostov Pedagogical Institute, Psychotechnical Laboratory, Kuibyshev Pedagogical Institute, “Pavlovian Session”.

*Как жаль мне тех, кто не жил никогда
В глухих провинциальных городах,
Кто не дышал нетронутой травой,
Припав к земле кудрявой головою;*

*Кто не встречал на улицах коров,
Не подбирал заржавленных подков,
Кто не глазел на двухэтажный дом,
Как будто мир весь помещался в нем;*

*Кто не гулял в провинциальном сквере,
Где все, казалось, было на фанере,
Кто не впивал с восторгом в детском зоре
Цвета афиш на сгорбленном заборе;*

*Кто не сжимал в своей руке пятак
У входа в цирк среди записных зевак,
Кто не бежал за бочкой водовоза,
С румяных щек стирая наспех слезы;*

*Кто не смотрел на пламя фонарей,
Как на глаза неведомых зверей;*

*Кто по ночам не вздрагивал во сне
И кто лица не поднимал к луне,
Кто не бродил за городской чертой,
Пронизанный несбыточной мечтой.*

Ивнев Р. Провинциальный городок

Жизнь ученого в российской провинции... Кто они, эти ученые – подвижники? чудаки? простые труженики? Как они вообще там рождаются, в провинции? Ученые ли они на фоне тех, чьи имена звучат непременно с эпитетами «фундамент науки», «основатель направления» и пр.?

Александр Александрович Гайворовский был одним из тех многих и многих ученых-психологов, чье имя совершенно незнакомо практически всем современным психологам, да и историки психологии также почти не слышали о нем.

В исторической литературе живые человеческие судьбы часто приносятся в жертву истории, и авторы широкими мазками, смело и решительно «пишут»

историю с большой буквы. Наша задача скромнее, нас интересуют лица, а история обязательно будет присутствовать, ведь на ее фоне разворачивалась жизнь. По мнению Г.О. Винокура «личная жизнь в истории есть история личной жизни... история есть тот контекст, то динамическое целое, в котором как целое же личная жизнь становится. И если мы хотим уразуметь личную жизнь как действительно осмысленное целое, то мы не удовольствуемся уже, разумеется, изучением одной только внешней смены состояний и представлений этого целого, но будем стремиться разглядеть само целое как то внутреннее, которое скрывается за каждым из этих состояний и проявлений как за своим внешним знаком» [7, с. 23].

Попробуем рассмотреть большую историю через судьбу отдельного, частного человека – не вождя, военачальника, философа или известного ученого, а одинокого, незаметного «винтика». Такие люди историю не делали, они были в ней. Они явились случайными, ненамеренными свидетелями того времени, поэтому сохранившиеся свидетельства их жизни потрясают правдивостью. Трудность своей жизни главных героев была разделена с сотнями подобных – малоизвестных ученых, живших в провинции...

Александр Александрович Гайворовский (1899-1963) [18] принадлежал к поколению советских психологов, чья профессиональная жизнь началась в советское время, но детство, юность, учеба в гимназии пришлось на дореволюционное время, и таких в истории психологии – множество: П.К. Анохин (1898-1974), В.А. Артемов (1897-1982), С.Н. Беляева-Экземплярская (1895-1973), Н.А. Бернштейн (1896-1966), Е.С. Браиловский (1898-1948), Л.С. Выготский (1896-1934), С.Г. Геллерштейн (1896-1967), К.М. Дубровский (1900-1972), Л.В. Занков (1901-1977), Б.В. Зейгарник (1900-1988), П.И. Зинченко (1903-1969), А.Г. Иванов-Смоленский (1895-1982), В.М. Коган (1903-1985), Г.С. Костюк (1899-1982), Ю.В. Котелова (1903-1980), А.Н. Леонтьев (1903-1979), А.Р. Лурия (1902-1977), А.А. Люблинская (1903-1983), В.С. Мерлин (1898-1982), М.С. Певзнер (1901-1989), А.Ц. Пуни (1898-1985), Д.И. Рейтынбарг (1899-1977), Л.С. Сахаров (1900-1928), М.Ю. Сыркин (1900-1942), Б.М. Теплов (1896-1965), В.В. Чебышева (1903-1991), В.М. Экземплярский (1899-1957), Д.Б. Эльконин (1904-1984), П.М. Якобсон (1902-1979), А.В. Ярмоленко (1900-1972) и др. Это поколение тех, кто своим рождением знаменовали окончание одного столетия и начало нового... Те, кому выпало родиться на самом переломе столетий, чье детство и ранняя юность были так стабильны и понятны (как это и должно быть у каждого нормального человека), а поздняя юность и молодость пришлась на время, разом опрокинувшее тот крепкий фундамент будущего, заложенное в детстве.

Для этого исследования много документов было любезно предоставлено дочерью Александра Александровича Гайворовского – Галиной Александровной Петербургской (1937-2009), жившей в г. Самаре и бережно хранившей семейный архив; часть данных найдены в Центральном архиве Самарской области благодаря деятельному участию сотрудницы архива Виктории Владиславовны Шестериковой, в Музее истории Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ) – благодаря Надежде Ивановне Павловой; также помогали сотрудники Национального архива Республики Беларусь, директор Музея истории Белорусского государственного университета Эмма Леонидовна Малиновская. Печатные источники помогли найти сотрудники Нижегородской Государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина Екатерина Владимировна Боброва и Елена Андреевна Ефремова.

*В моей душе
Царят два мира,
Два океана вековых.
В одном безбрежны желанья
С тревогой творчества слились;
Его удел – одни исканья,
Лететь вперед его удел...
Другой же мир
Красой нетленной
В себе самом себя
хранит
И зачарованный
звездами
Всегда недвижим
и молчит.*

Гайворовский А.А. Два мира

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Александр Александрович Гайворовский родился 16 октября 1899 г., уместно сказать часто употребляемую сейчас фразу – «на сломе эпох». То время действительно было началом длительного и непростого этапа в жизни всей страны, когда человеческие судьбы беспощадно ломались или развивались по какой-то причудливо начерченной траектории, далеко отходя от точки

своего начала. Само время рождения уготовило Александру Александровичу непростую судьбу.

Всю сознательную жизнь он писал в анкетах, что по социальному положению он – из семьи служащих, и за этим лукавой строкой скрывал то, что в новое, советское время знать всем было не нужно. Его отец, Александр Владимирович Гайворовский (1865-1944), уроженец г. Курска, титулярный советник, землемерный чиновник 2-го разряда, работал землемером в имении графа Орлова-Давыдова (сейчас – с. Усолье Шигонского района Самарской области), после революции перешел к педагогической деятельности, преподавал физику в школе № 5 г. Самары, а позже и в педагогическом институте. Ряд лет он работал в рядах Красной Армии. Мать Александра Александровича – Мария Николаевна, урожденная Кандалинская, дочь главного казначея Самарского банка Николая Николаевича Кандалинского.

В семье дочери А.А. Гайворовского – Галины Александровны Петербургской – не осталось никаких официальных документов об этой семейной ветви, и сама Мария Николаевна ничего не рассказывала внучке о своей семье, но по записям в ее записной книжке¹ мы можем попробовать представить эту женщину. Встречаются отметки о посещении театра, например, «“Доходное место” видели я и Валенька 16 сентября 1911 г.», «Концерт Севостьянова не очень хороший», список театральные постановки, которые либо следует посмотреть, либо уже видела, ведь губернский город Самара был культурным городом, и артисты часто бывали с гастролями; есть записи о посещении концертов «всемирного скрипача» Бронислава Губермана («Слушали 2 раза. Чудно!!! Восхитительно!»), сестер Петровой и Звонцевой – скрипачки и виолончелистки, певиц Надежды Плевицкой, Анастасии Вяльцевой, и, конечно же, ее любимого певца – Леонида Собинова, чье имя встречается несколько раз. В этой же записной книжке дореволюционными записями датируется пометки о приеме в прислуги в разное время Авдотьи, Дуняши, Федоски. Семья жила не богато, и Мария Николаевна тщательно записывала все хозяйственные траты, вплоть до копеек.

Сам Александр Александрович, в силу каких-то неизвестных нам семейных обстоятельств, учился в Самарском, а потом в Симбирском реальном училище, которое окончил в 1917 г.

Что такое было – реальное училище? Как мы знаем, в российской империи не было единой средней школы, образование было разноуровневым и разнословным. Выпускники реальных училищ в правление министра просвещения графа И.Д. Делянова (1882-1897) были приравнены к

¹ Из домашнего архива Г.А. Петербургской

выпускникам классических гимназий; по мнению историка С. Рождественского, «с одной стороны осознана была необходимость сгладить крайности предметов; с другой стороны, реальные училища в значительной степени утратили характер профессиональных училищ» [32, с. 646]. К началу XX века выпускников реальных училищ стали принимать на физико-математические и медицинские факультеты университетов.

Когда говорят об ученике, в первую очередь начинают с его успеваемости. Не сохранилось никаких ведомостей, табелей и выпускных аттестатов юного Гайворовского, но мы попробуем разобраться в этом вопросе, основываясь на одном документе, дожившем до наших дней – записной книжке для учащегося², начатой им в 1910/1911 учебном году, далее продолжаемой весьма нерегулярно и неровно до окончания училища. Здесь чистые листы для записей чередуются со справочными сведениями, весьма полезными для учащегося: меры длины и объема, географические и исторические данные, дни религиозных праздников для различных конфессий и пр. И на страницах «Разовые отметки за I, II четверть года» мы видим написанные карандашные пометки напротив школьных предметов. Учитывая характерную черту Александра Александровича – аккуратность и педантичность, можно предположить, что он, будучи учеником, добросовестно заполнял и эти страницы записной книжки. получается, что он не был «отличником» или «хорошистом», оценки по многим дисциплинам балансировали у него на грани «3» и «4», только, пожалуй, история, география, геометрия, немецкий язык заслуживали его большего внимания. Адреса друзей чередуются с различными списками. Например, список, написанный еще детской рукой: «Социализм. Анархизм. Индивидуализм. Коммунизм. Монархизм» (так подростки отмечают мало знакомые слова, чтобы узнать их содержание), или перечень коллекции птичьих яиц (26 шт.). Также есть несколько юношеских стихотворных строф («Отойди, отойди, // не смотри на меня // ты так гневно. // Не боюсь я тебя // и твой выдержу взгляд. // Жизнь, не злись на меня, // не боюсь я тебя. // И твой выдержу // смело я натиск») и пометки, свидетельствующие об увлечении Гайворовского шахматами.

Интересен список, озаглавленный автором «Что надо прочесть и проштудировать», где стоят имена популярных в то время авторов – философов, ученых, писателей, одним словом, круг чтения, который мы даем целиком:

Л. Фейербах. Сущность христианства

М. Мюллер. Шри Рамакришна

² Из домашнего архива Г.А. Петербургской

- А. Шопенгауэр. Афоризмы и максимы*
Радлов. Словарь философских терминов
Карпенгер. Современная наука + Наука будущего
А. Риль. Введение в современную философию
В. Соловьев. Три разговора
Сикорский. Борьба с самоубийствами. Психология и физиология...
Форель. Половой вопрос
Толстой. Исповедь
Николаев. Духовный монизм
Челпанов. Психология
Достоевский. Критика «Униженных и оскорбленных»
Мечников. 40 лет в поисках мировоззрения
Л.С. Франк. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию
Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство. Теория исторического процесса
Ван-Кан. Экономические факторы преступности
Лосский. Материя в системе органического мировоззрения
Иванов Вяч. Родное и вселенское
Лосский. Мир как органическое целое. Интуитивная философия Бергсона
Ралькенбург. История философии
Виндельбанд. История философии
Ренан. Жизнь Иисуса
Вебер. История философии
Введенский. Логика
Штраус. Жизнь Иисуса
Шлеермахер. Речи о религии
Спиноза. Богословско-политический трактат. Переписка Спинозы
Вагнер. Биологические основания сравнительной психологии
Кожевников. Буддизм в сравнении с христианством
Морозов. Толкование апокалипсиса
Мопассан История одной женщины
Фон Поленц. Крестьянин
Котляревский. Мировая скорбь
Овсянко-Куликовский. История русской интеллигенции
Плеханов. История русской общественной мысли
Лемке. История русской цензуры
Конст. Эрберг. Цель творчества
Бердяев. Смысл творчества

Сперанский. Общественная роль философии

Карл Каутский. Античный мир, иудейство и христианство

Г. Чулков. Анархические идеи в драмах Ибсена.

Среди художественной литературы, чей длинный многостраничный список озаглавлен как «Интересные книги», находим Байрона, Герберта Уэллса, Мясницкого, Тургенева, Луи Буссенара, Ж.Верна, А. Дюма, Чехова, графа Салиаса, Гончарова, Немировича-Данченко, Ж. Санд, Конан Дойля, В. Скотта, Г. Сенкевича, Л.Н. Толстого, Данилевского, Диккенса, Брешко-Брешковскую, В. Гюго и много-много других авторов, как очень модных и популярных в то время, так и уже ставших классиками. Надо отметить, особое отношение к книгам у людей того времени: это был взгляд снизу вверх, ощущение необходимости книги, и была полная свобода суждения.

Друзья Гайворовского – юноши и девушки, ищущие в книгах ответа на жизненные – организуют кружок, где читают и изучают философскую литературу. Сохранилась фотография, где изображены сидящие вокруг маленького столика семь молодых людей, среди которых две девушки. На столике лежат толстые книги, некоторые – открытые, свешивается афиша, где с трудом можно разобрать, что объявление связано с именем Толстого. На заднем плане виден плакат-схема учения Спинозы. На обороте рукой Александра Александровича записаны фамилии сидящих: А.М. Гриневич, А. Шеловителев, П. Поддеревянский, С. Эйлер, А. Барткус, З. Жако, А. Гаворовский. И дата – 1917/18 год. Фотография, безусловно, постановочная, но серьезность интеллектуальных намерений присутствующих очевидна.

Вероятно, общение с друзьями юности дало очень много Александру Александровичу в духовном плане, так как позже в своем сборнике «Зачарованные тропинки» [11] он напечатает стихотворение «Симбирцам» с посвящением А. Гриневичу, А. Барткус, Т. Казанкову. Конечно, строфы несовершенно, но искренни:

*Вы мой исток
В моих исканьях,
Вы светлый край
души больной,
Я в вас нашел
родник нетленный
С живою чуткою
мечтой.
Я вас люблю
всей силой духа*

*Стремлений к счастью
и красоте,
Я вас люблю
В улыбке детской,
В великой замкнутой мечте.*

В 1917 г. Александр Александрович окончил Симбирское частное реальное училище Н.В. Скороходова³ и переехал в Самару. Нам неизвестно, что делал Гайворовский целый год до поступления в Самарский университет, но прочитанные и «проштудированные» книги не прошли даром, и в кампании со своими новыми друзьями он в 1918 г. организует философский кружок, вероятно, подобный тому, какой уже был в Симбирске.

Сохранилось три удивительных свидетельства интеллектуальной деятельности этой небольшой группы влюбленных в литературу и философию людей. Первое – типографская листовка с объявлением:

В г. Самара организовался религиозно-философский кружок. Интересующихся вопросами философии, психологии, этики, эстетики и религии приглашаем записываться в кружок. Запись производится: Алексеевская ул. меж Садовой и Самарской, дом № 63, кв. 4 у А.А. Гайворовского, от 5 до 7 часов вечера⁴.

Второе – афиша, напечатанная также в городской типографии «Печать»:
В единении сила!

Дом Юношества

Общество Потребителей «Самопомощь»

В четверг 17 октября 1918 года А.А. Гайворовский, председатель философского кружка, прочтет лекцию на тему: «Мировая скорбь». Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского.

1. Проблемы пессимизма в его творчестве. 2. Карамазовщина. 3. Униженные и оскорбленные. 4. Так что же делать?

Начало ровно в 5 ½ часов. Вход бесплатный⁵.

Незадолго до собраний этого кружка, видимо в ответ на письмо с проектом его создания, близкий друг Андрей Гриневиц, приветствует саму идею, замысел восторженным и радостным письмом:

26/IV-1918 г.

Сейчас получил твое письмо, Шура, и от души порадовался. Только путем устройства подобного рода кружков и должно распространяться

³ В домашнем архиве хранился Билет ученика V класса Симбирского частного реального училища Н.В. Скороходова с перечнем обязательных правил для учащихся, регламентирующих их жизнь.

⁴ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

⁵ Там же.

просвещение. Это единственная возможная форма передачи знания. Школа, гимназии и университеты – «атавизм». Самое главное – свобода, полная свобода в обмене мнений.

Из таких кружков впоследствии должны возникнуть общества, т.е. союзы лиц, связанных одним интересом, но лишь более осведомленных в том или ином роде знания.

Деятельность этих обществ и их взаимоотношение определяться жизнью. Главное – никаких схем, никаких заранее выработанных «программ» и планов, одно только нужно: подлинный интерес к делу и свобода.

Форма допуска должна быть эластичной и ее укажет успех.

Главное, чтобы знающие сочувствовали ищущим и добровольно, из любви к предмету делились своим знанием. И чтобы, ни в каком случае, не считали себя непогрешимыми.

Ведь надо же, наконец, согласиться, что продажа знаний такая же проституция, как купля и продажа труда или тела. И давно пора перестать проституировать себя людям науки.

(слово неразборчиво – примечание Н. Стоюхина) только благодаря тому, что «наука» уединилась, отошла от жизни, замкнулась в жреческих капищах, называемых «университетами», и стала предметом торговли, - она и уклонилась от своего настоящего пути. Сколько у нас «научных» предрассудков, самых диких суеверий, созданных такой уединившейся наукой, учеными книгоедами, забывшими общение с людьми, так наз. «профанами» и даже разучившимися говорить на человеческом языке!

Уничтожая проституцию науки, мы более всего содействуем распространению и развитию знания.

Сколько гнусного хлама в науке и только оттого, что ей обучали в «научных» домах терпимости!

Пока на основании всех этих соображений я и приветствую бескорыстное выступление в вашем кружке представителей официальной науки. Такое выступление будет полезно не только для «неофитов», но и для самих «посвященных», особенно для «любителей» философии.

Ведь особенно стыдно торговать тем, что претендует на звание истинной мудрости и приписывать какое-то значение званию «доктора» философии. Последнее не столько глупо, сколько смешно...

А. Гриневич⁶

Очевидно, что образованная молодежь, вышедшая из обедневших дворян, мещан, разночинцев с радостью принимала все новое, что несло ей время.

⁶ Там же.

Не исключением стали и формы образования. Какая притягательная мысль – образование для всех! Образование – везде! Казались устаревшими и изжившими себя классические формы образования и науки, свобода и молодость опьяняла их... Научные кружки появились в России в конце XIX в., но стали популярными в начале XX в. Их появление отчасти было связано со стремлением молодежи к самообразованию, не сдерживаемому рамками учебных программ, разочарованием в существующей педагогической системе, что часто обсуждалось на страницах печати. Один из студентов, ушедший из университета по своему желанию, писал: «Подвергнувшись в университете сильной муштровке воли и ума, студент теряет (за редким исключением) всякую тень независимости и внутренней свободы, и покорно бредет по проторенной уже тысячами его предшественников дорожке» [4, с. 3]. Ни средняя школа, ни высшая не могут дать человеку того знания, которые «могут содействовать человеку в выполнении назначения его жизни» [там же, с. 5]. Чтобы обрести то свое, отвечающее личным духовным интересам, не сдерживаемое ограничительными рамками, студенчество стало организовываться в научные общества и кружки с целью сотрудничества для самообразования. «В каждом из этих кружков по своему выбору и очереди могут работать каждый учащийся. Программа, план и прохождение курса устанавливаются и ведутся самим кружком, свободно располагающим представленными ему ...научными силами... Становится всем понятно, что современная школа может дать только диплом, или «право на труд, а знания нужно приобретать самому» [26].

Александр Александрович был прирожденный гуманитарий, тяга к философской, исторической, психологической литературе, желание осмыслить прочитанное привело его к попыткам писательства, которые воплотились в рукописном сборнике «Нить за нитью (эскизы, наброски и афоризмы) 1918-1919 гг.»⁷. Эта тетрадь из 20 страниц в линейку (размером примерно А4) плотно заполнена самым разным материалом: притчи, афоризмы, свои мысли, стихи, по-юношески возвышенные, порой наполненные пессимизмом. Темы, которые так волнуют молодого человека, разнообразны: роль бессознательного в творчестве человека, проблема поиска смысла жизни, роль личности в истории, стремление к творчеству. Стиль Александра Александровича небезупречен и по-юношески демонстративен: фразы перегружены причастными оборотами, тяжеловесны, много «красивостей», кажется, что автор строк надеется оставить эти страницы потомкам, поэтому необходимо «произвести впечатление». Но не стоит забывать, что автору в ту пору 19-20 лет.

⁷ Там же.

Некоторые отрывки – прямые свидетельства переживаемого времени:

Настроение

Угар, придавленность и тупость. В крови задыхающиеся горизонты, костлявая рука, собирающая какую-то необычную жертву. Новый храм с его новым кумиром Рабом и алтарями из его белых костей, с его великой жертвой – целым народом, с его великим праздником кошмара с оргией. С его новым светом – огнем пожаров. С его новым царем – Фанатизмом. Новое царство! Новые зори!

Что наиболее ценно в человеческой жизни – ум или сердце, материя или дух? К наибольшему развитию какой из этих сторон должна стремиться личность? Безусловно, только к гармоническому их развитию. Мы видим, в переживаемую нами эпоху социалисты пытаются устроить гармоническое общество на принципе развития ума и материи. «Физически и умственно воспитывать» - вот их лозунг. Но мы видим, и возможно, что в жизни нам еще не раз придется видеть, что такое одностороннее понимание задач воспитания общества приводит лишь к самым отрицательным результатам. Если взять аскетов или мистиков, то тут опять основное внимание в воспитании личности и общества видят лишь исключительно в воспитании сердца и духа. Односторонность такого воспитания также скоро дает себя чувствовать. Так что можно было бы с полной уверенностью сказать, что только гармоническое развитие всех этих четырех начал, из которых складывается как личность, так и совокупность личностей – общество, может привести к созданию нравственно ценной и органически целой личности и общества, не подверженного никаким сплинам, нравственным сифилисам, бездейственности и тупости.

Двадцатилетний юноша явно был знаком с самыми разными работами по психологии:

Ребенок с задатками творца даже при срисовывании картинок, сам того не замечая, бессознательно отбирает то, что согласуется с его бессознательным еще представлением о красоте и значимости и с глубочайшими индивидуально-личными наклонностями, симпатиями и запросами своего художественного чутья, такта и стиля.

Всякая работа может быть или бессознательной, или сознательной. В первом случае это работа или механическая, или творческая, хотя это полюсы бессознательной работы, но реально имеют свои истоки в

бессознательном. Хотя первое – это действие различных моторных центров, а второе – разная проявляемость истоков и глубин индивидуальных глубочайших сил Духа Личности.

И, конечно же, Гайворовский пишет о Достоевском. Пишет с возвышенным восторгом влюбленного читателя, до мельчайших подробностей знающий любимое произведение. Он сравнивает двух величайших русских писателей – Достоевского и Гоголя, и творчество Федора Михайловича видится ему более оптимистичным:

Перечитывал «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского и еще раз переживая все те муки искания и страдания отчаяния, которыми заполнена эта очаровательная книга. И невольно как то пришел мне на мысль Н.В. Гоголь. Какая чудовищная разница между ним и Достоевским! Первый показал человека с его одежды, с его поступков, грязных, мелочных и эгоистичных. Он показал «тело» человека и не мог показать ничего другого. Совершенно противоположное рисует Ф.М. Достоевский. Он показывает пораженному читателю все бездны, какие только таит в себе душа человеческая, все тончайшие струны этой души он заставляет прожить и доходит до такой наглядности в изображении реальности переживаемых его героями душевных процессов, что среди окружающих тебя людей начинаешь видеть и чувствовать происхождение и ход подобных же процессов, и только один Достоевский смог показать глубину и трагизм этой глубины человеческой жизни. У Гоголя мы готовы были смяться и плакать над его Пульхерией Ивановной, и Шпонькой, и Маниловым, и Собакевичем и т.под., но при этом невольно как-то просилось наружу какое-то неопределенно давящее душу чувство – чувство ничтожности человеческой жизни, ничтожности и грязно-самодовольности его существования. Только в природе – красота, а люди – это что-то настолько ничтожное и грязное, что лучше скорей позабыть их и уйти от них подальше, чтобы не видеть, как Пульхерия Ивановна варит варенье, Манилов любезничает с женой, и Собакевич кушает осетра. Такое настроение охватывает, по крайней мере, меня, после прочтения какого-либо из произведений Гоголя. Делается и в собственных глазах и своя жизнь похожей на жизнь какого-либо типа из гоголевских героев. Страшно! Ужас охватывает меня при мысли – а что, если бы теперь нашелся талант, равный Гоголю, и снова описал бы нам жизнь с той же стороны, что и Гоголь... Я думаю, что он отравил бы жизнь всем, прочитавшим его произведения. Гоголь – это не только пессимист, но и оптимист: он не только не признает нашей жизни за самой худшей, но, что еще ужаснее, он признает природу, он любит природу, пока ее не коснулась самодовольная рука человеческая.

Он кладет такие мазки в своих изображениях природы, что невольно напрашиваются такие слова: «И зачем это на земле появились люди? Ведь гармония есть и была полная до появления человека. Посмотрите, как он загаживает все то, к чему бы ни прикоснулся!» Его пессимизм в том, что, признав мир за совершенный, дав природе красоту, изящность, глубину, чуткость и истинность, и даже мудрость, он на долю человеческой личности оставил лишь уродство, грязь, безобразность, сатиричность, тупость, лживость и мелкость и все в этом же духе... Человек – вошь. Вот вывод из его анализа человеческой личности. Совершенно с другой точки зрения подходит к человеку Ф.М. Достоевский. Он рисует человека с пропастями и началом бесконечного в душе своей, духом, входящим в соприкосновение с мирами потусторонними. Человек – это титан, это циклоп. Все он может выполнить и в этом он равен Богу, но сила его все же меньше Божеской, и он хоть и может все выполнить, но выдержать долго всего, выполненного им, не в состоянии (Раскольников, Ставрогин, Свидригайлов, Смердяков). Человек – богоборец по самой природе своей, но слабый, могущий хоть собственной силой уничтожить Бога своего, но не могущий обходиться без идола и поэтому снова воскрешающий Бога своего.

УНИВЕРСИТЕТ

К началу XX в. Самара стала культурным городом – есть театр, краеведческий музей, книжные лавки, значительный слой интеллигенции, техническое железнодорожное училище, ремесленное училище, учительская семинария, земская школа сельских учительниц, частные мужские и женские пансионы, 3 гимназии, духовная семинария. Из высших учебных заведений был только земский женский педагогический институт, открытый в 1911 г. и через два года преобразованный в Высший женский педагогический институт. В начале Первой мировой войны из Вильно в Самару эвакуируется учительский институт, эти два заведения объединяют, и власти города 21 августа 1917 г. учреждают педагогический институт, куда принимают девушек и юношей. На первый курс было принято 290 студентов [43]. Преподавательских кадров не хватало, их приглашают из других городов. Открытие в Самаре педагогического института имело большое значение, поскольку целью его было «давать слушателям высшее и общее педагогическое образование». В институте намеревались готовить школьных работников, а также специалистов по дошкольному и внешкольному образованию. Предполагалось, что окончившие институт получат дипломы, «дающие те же права, что и

дипломы об окончании университетского курса, и сверх того звание учителей и учительниц средних учебных заведений» [там же].

В трагические дни и месяцы Гражданской войны в Самаре, как и во многих городах Российского государства, власть в городе менялась не раз, но общественность настояла на преобразовании педагогического института «в Самарский университет, со всеми правами и преимуществами, Российским университетам присвоенными, ... и с представлением новому университету права открывать, по мере возможности, такие факультеты и отделения, какие будут вызываться необходимостями местной жизни» [там же]. Первым ректором нового университета был профессор А.П. Нечаев [33] (август 1918 г. – февраль 1919 г.). Вторично он был выдвинут на должность ректора в марте 1920 г. и занимал ее до марта 1921 г. С 10 по 15 сентября 1920 г. в Самаре под его председательством проходил первый научный съезд в России. На нем он сделал доклады: «Психологические основы обучения чтению», «Психология и медицина», «Психолого-этнографическое исследование Самарского края». В Самаре он редактировал сборники «Вопросы современной психологии» и «Новости экспериментальной педагогики» [43].

Еще одним самарским ректором, имеющим отношение к психологии и философии, был профессор В. И. Ивановский (1867-1939), возглавлявший университет с февраля 1919 г. по март 1920 г. (ранее он работал в Казанском и Московском университетах, позднее переехал в Минск, потом – в Ленинград), и с ним Александр Александрович еще встретится.

К 1 января 1918 г. в университете обучались 783 студента; в 1919 г. – уже 2009, в 1921 г. – 2626. В учебном процессе были заняты 61 профессор, 110 преподавателей, 100 научных сотрудников, 45 ассистентов. Работали также научно-исследовательские институты, среди которых – институт дошкольного воспитания, а среди научных обществ было популярно научное общество экспериментальной педагогики.

В 1918 г. Гайворовский поступил в Самарский университет на историческое отделение историко-филологического факультета, который позже преобразовали в социально-исторический факультет; тогда Александр Александрович перешел на педагогическое отделение. За время обучения он слушал следующие курсы, сдав по ним потом зачеты: психологию (общий курс), логику, введение в философию, историю Древней философии, историю новой философии, анатомию и физиологию человека, школьную гигиену, немецкий язык, латинский язык, философию и методологию истории, психологию дошкольного возраста, историю психологии, введение в биологию, историю педагогических учений, историю эстетических учений,

педагогическую психологию, психопатологию, историю новейшей философии, помимо того работал в семинариях и просеминариях: история этических учений, история религий, история новейшей философии, логики, современные направления в психологии. А.А. Гайворовским представлено проф. А.В. Смирнову зачетное сочинение, которое признано удовлетворительным на тему: «Этика Ф.М. Достоевского в свете органической метафизики интуитивизма»⁸. Окончил университет 23 декабря 1921 г. в числе студентов первого выпуска.

Еще во время учебы в университете на Александра Александровича обращает внимание один из его преподавателей, читавший дисциплины психолого-педагогического цикла, как раз то, что так привлекало Гайворовского, – Серафим Михайлович Василейский. Он тоже достаточно молод – старше всего на 11 лет, но уже профессор [41, 42]. Василейский – уроженец Самарской губернии, из семьи священнослужителя, окончил Петербургский Психоневрологический институт и историко-филологический факультет Петербургского университета.

После октября 1917 г., спасаясь от голода, разрухи, хаоса, охвативших столицу, Серафим Михайлович приехал в Самару, и, работая в Самарском институте народного образования, с 1919 г. стал занимать должность доцента психологии и педагогики, а позже возглавил кафедру психологии и педагогики, был председателем школьно-психологического отделения педагогического факультета, заведовал психологической лабораторией, где вел занятия по экспериментальной психологии.

Появление хорошо образованных молодых преподавателей было тогда массовым явлением. К сожалению, историками образования еще не осмыслено это явление – интеллектуальной миграции. Только, пожалуй, А.Н. Еремеева дает обзор перемещений ученых в период 1914 г. – начало 1920 г., выделяя три волны движений: 1914-1917 гг., 1917-1920 гг., начало 1920 г. [15]. В качестве мест, где оседали интеллектуалы, убежавшие от голода и большевиков из столиц, она называет Киев, Одессу, Харьков, Екатеринодар, Ростов-на-Дону, Новороссийск, Симферополь, Тифлис, Омск, Томск, Екатеринбург, Пермь. Революция, повлекшая за собой сразу же слом во всех жизненных отраслях, заставила научные кадры (в первую очередь, молодые) переместиться из Петрограда и Москвы в поисках работы и заработка, а открываемые университеты и институты в провинции давали такую возможность, так как научных кадров на местах не было, например, в Нижегородский университет приехали молодые А.Ф. Лосев, П.В. Попов, Н.В. Петровский – ученики

⁸ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

Г.И. Челпанова [37, 38]. Именно от них тогдашние студенты наследовали традиции российского образования, основанного на научных знаниях, не испорченных еще классовым подходом. Пройдет меньше десяти лет, и студенчество будет приходить из школ второй ступени с плохой подготовкой для учебы в вузе, и этот недостаток невозможно будет восполнить в университете или институте. Каким противопоставлением облику студента Гайворовского (заметим, типичному для того времени) звучит описание студента конца 1920-х гг.: «Целый мир образов, переживаний, представлений, способных обогатить мысли и чувство, для молодежи остается неведомым. А естественная жажда художественного слова удовлетворяется из второстепенных, а иногда и просто мутных источников современного книжного рынка. Клода Фаррера зачитывают до дыр, а имя Эдгара По звучит, как нечто совершенно неизвестное... никто не заглядывает в Стендаля. Старая литературная критика – Белинский, Добролюбов, Писарев, публицистика Герцена и Михайловского редко доходит до студента ближе, чем в беглом, суммарном перечне вводной главы какого-нибудь учебника по истории революционного движения. ...Мировая история начинается с октября 1917 г. Что было раньше, – это либо репетиции Октября, либо беспросветные эпохи диктатуры имущих классов, ни в каком отношении не интересные» [17, с. 227]. Да и профессорство сменится: понятие «чистая наука» будет братья в кавычки, от науки будет требоваться, в первую очередь, чтобы она служила практике, а профессура наполнится «пришельцами из той среды, которая, по необходимости, вооружает своих членов винтовкой, рейсфедером или книжной премудростью» [там же, с. 230]. Но в 1918 г. власть еще не направила свой острый взгляд на преподавателей, разграничивая их по происхождению, по партийности, еще не началась кампания о внедрении беспощадной самокритики и вовлечении в нее широких масс студенчества, поэтому преподаватели могли заниматься своим делом – передавать знания.

О студенческом периоде Гайворовского сохранилась копия диплома и отзыв профессора С.М. Василейского с характеристикой студента, делающего первые шаги в науке:

Среди массы студентов, которую я знал, Гайворовский вместе с немногими другими студентами выделялся по своему напряженному интересу к проблемам философии, психологии и педагогики, по своей даровитости и усердию в занятиях по указанным дисциплинам. В просеминариях и семинариях был одним из самых активных участников; его доклады были всегда

*содержательны и оригинальны. Зачеты по психолого-педагогическим дисциплинам у него проходили весьма успешно*⁹.

Друзья у Александра Александровича были всегда, и дружили они подолгу, годами. Их лица попали на фотографию в августе 1917 г., (неизвестный, И. Кеслер, Я. Белоцерковский, Н. Кебеке, А. Гайворовский, А. Соболев, А. Ваганов), но вызывает особый интерес надпись на обороте, сделанная рукой Гайворовского:

1919 г. И. Кеслер в бел. армии у Колчака

А. Ваганов – анархист

Я. Белоцерковский – коммунист,

А. Гайворовский в Ставрополе зав. музейной секцией

1920 г. И. Кеслер возвратился в Самару, служит в культпросв. Ждороги

А. Ваганов – коммунист телеграфа

Я. Белоцерковский в военном ведомстве инспектором (коммунист)

А. Гайворовский учится в Университете

1921-1922 гг. И. Кеслер учится на мед. факультете в Университете

А. Ваганов ушел из коммунистов, учится в Петроградск. Политехникуме

Я. Белоцерковский (ушел из коммунистов) спекулирует

А. Гайворовский кончил Сам. Университет, работает ассистентом при кафедре психологии и педагогике

1923 г. то же самое

*К. Кебеке за все эти годы служил то бухгалтером, то счетоводом то на ЖДороге, то в других учреждениях*¹⁰

Интересно, что люди еще вольны были менять свои политические убеждения, не сильно скрывая этого. Своим друзьям Гайворовский посвятил стихотворение «Семерке», где рисует маршруты юношеских «странствий» в окрестностях родного города и напоминает своим товарищам о давних мечтах:

Друзья, оглянемся назад.

Все помнят Волгу и Самару –

Как все это смешно...

И близко, и родно...

Вот Ставрополь, вот бор,

Что около него чернеет,

Вот Волги светлое пятно...

Вот Колтубанка, лес дремучий,

Пески сыпучие кругом...

⁹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 3. Д. 1497. Л. 5.

¹⁰ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

*И жизнь поставлена над кручей.
И снова поворот и риск...
Вот Ленинград, Кавказ и Минск,
А вот Сибирь, сокрыта дымкой
И словно шапкой-невидимкой
покрыто каждого чело.
Как это было все недавно...
и давно...*

Тогда же, во время учебы в университете, Александр Александрович женился. Его избранницей стала Ольга Викторовна Плотникова, Лёля, родом из Уфы, с которой они вместе работали в культпросветотделе. Из-за последствий пережитой болезни, она всю свою жизнь проходила на костылях, что, впрочем, не мешало ей быть очень активной, получить высшее образование (она была физиологом), много ездить по стране, всегда работать. И, несмотря на то, что позже они с Александром Александровичем развелись, и у него были другие браки, все годы они сохраняли тесное, живое общение¹¹, а ближе к концу жизни опять стали жить вместе.

Но это все будет потом, а пока Гайворовский – студент, успешно закончивший курс университета, которого по предложению профессора С.М. Василейского оставляют при Самарском университете ассистентом по кафедре психологии и педагогики. И опять Василейский пишет:

За время своего ассистирования А.А. Гайворовский проштудировал целый ряд фундаментальных трудов по психологии и педагогике и умело помогал мне при постановке психологических и педагогических экспериментов. В частности, он особенно хорошо проводил практикум по умственной одаренности и проблеме упрямства и утомления¹².

Кроме работы на кафедре, Александр Александрович руководил переподготовкой учителей и работников детдомов для трудновоспитуемых детей Самарской губернии, вел с ними занятия по экспериментальной психологии и по психологии умственно-отсталых детей, а поступив на службу в Самарский губернский отдел народного образования, получил должность губинспектора. В поисках дополнительного продовольственного пайка он устроился на службу в ряды Красной Армии – Самара была центром Приволжского военного округа, и недостатка в воинских частях не было. С осени 1918 г. Гайворовский состоял на воинской службе в качестве инструктора школ политотдела Самарского Губвоенкомата, потом, с 1920 г.

¹¹ Из личной беседы с Г.А. Петербургской: у О.В. Плотниковой хранились чемоданы их переписки с А.А. Гайворовским, которые были утеряны после смерти самой О.В. Плотниковой.

¹² НАРБ. Ф.205. Оп. 3. Д. 1497. Л. 5

активно работал в частях РККА заведующим культотделом в бригаде войск ВОХР, лектором в пехотно-командирских курсах, на инженерных курсах, в политшколе политотдела дивизии, лектором дивизиона легкой артиллерии и дивизиона ВГПУ, инструктором школьно-курсового отдела Самарского Губвоенкомата, а также политического управления Приволжского военного округа, где дослужился до старшего инструктора¹³.

Именно здесь Гайворовский напечатал первую статью «Как читать лекции» в сборнике «Спутник политработника», издаваемого Политуправлением Приволжского военного округа там же вышло еще ряд мелких статей [28].

В 1923 г. учитель и старший коллега Гайворовского С.М. Василейский уехал работать в Витебский высший педагогический институт, перейдя затем в Белорусский государственный университет, а Александр Александрович в 1924 г. избирается сверхштатным ассистентом по кафедре психопатологии медицинского факультета Самарского государственного университета, руководимой с 1 января 1919 г. Ю.В. Португаловым (1876-1932?).

Юлий Вениаминович относился к той особой породе русской интеллигенции, которые, не ограничиваясь своей непосредственной профессиональной деятельностью, стремились проникнуть в другие профессиональные сферы, рождая от такого симбиоза знаний нечто новое и интересное. Это был увлеченный русской литературой врач-психиатр. В конце XIX-начале XX в. существовало целое направление в медицинской литературе – патография, или жизнеописание знаменитостей с точки зрения их болезней, мнимых, или настоящих. Блестящее общество врачей – П.И. Ковалевский, Н.Н. Баженов, В.Ф. Чиж, В.М. Бехтерев, Я.Ф. Каплан, Г.Я. Трошин, И.А. Сикорский, И.Д. Ермаков – исследовали душу и ставили диагноз своему времени, что также не чуждо задачам литературы. Ю.В. Португалов был одним из них – глубоко любивших и знавших литературу, мастерски анализировавших как произведения, так и душевные глубины их авторов.

Впервые широкому читателю он был представлен в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1903 г. [27], где выступал своеобразным арбитром двух точек зрения коллег на описанную Гоголем личность Плюшкина: В.Ф. Чиж говорил, что Плюшкин болен старческим слабоумием – иначе никак нельзя объяснить его страсть к скупости, а Я.Ф. Каплан настаивал на том, что Плюшкин – продукт нормальных старческих изменений. Ю.В. Португалов, находивший психиатрический анализ литературы преждевременным, предлагал сначала разработать специальный «психопатологический анализ в

¹³ Архив Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ).

литературной критике», привлекая психологов и социологов. Любая психологическая или психиатрическая интерпретация героев Гоголя может перечеркнуть их значение как социальных типов и будет противоречить и замыслу самого писателя, и сюжету произведения, - писал он.

Юрий Вениаминович был известен читающей публике своими работами литературно-критического содержания: «Чехов как психолог», «К психологии русских литературных течений 1860-1890 гг.», «Механизмы литературно-художественного творчества», а научному сообществу психиатров и психологов специальными трудами: «О психолого-антропологических исследованиях преступников», «Детская психология и антропология», «Вопросы психиатрии» и др. Имя Ю.В. Португалова встречается в работе Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», где ее автор критикует сторонников субъективного подхода – к ним он относит Г.И. Челпанова, С.В. Кравкова и Ю.В. Португалова.

Нет сведений, чем занимался А.А. Гайворовский, работая на кафедре психопатологии, но забегаая вперед, скажем, когда в 1929 г. Александр Александрович обратился к Португалову с просьбой об отзыве для очередного представления в кадровую службу, тот написал блестящий отзыв, которым можно гордиться:

А.А. Гайворовский известен мне в течение нескольких лет. В 1924 г. он приглашен был мною в качестве ассистента при психиатрической клинике, т.к. уже тогда обнаруживал сведения и опыт в экспериментальной психологии. Позднее А.А. Гайворовский быстро шел вперед, овладевая как теоретическими течениями, так и приобретая еще больший опыт в экспериментальной теории. Последние 3-4 года А.А. Гайворовский проявляет себя как самостоятельный научный деятель, разрабатывает тщательно, уверенно и с полным знанием дела новейшие психологические проблемы и заявляет себя как один из авторов новых методов, тестов, программ. В этом отношении особенно интересны его исследования по психологии политпросветработы, по психологии профконсультирования, профотбора и пр.

К настоящему времени А.А. Гайворовский представляет из себя хотя и молодого, но законченного специалиста по определенным отраслям психологии, которому можно поручить ведение кафедры при педвузе. Положительными чертами научной деятельности А.А. Гайворовского следует считать спокойную осторожность, чувство меры, несклонность благоговеть перед модными случайными направлениями, захватившими нестойких и пассивных научных работников, самостоятельность, редкую усидчивость и

трудоспособность и совершенно объективное беспристрастное отношение к борющимся лагерям в современной психологии. Необходимо подчеркнуть также бросающуюся в глаза привязанность к эксперименту в психологии, в чем он – согласно тому, как это видно по его последним трудам – быстро совершенствуется.

Ю. Португалов

28/VIII-1929¹⁴

МИНСК – КРАСНОДАР – РОСТОВ-НА-ДОНУ

В 1925 г. Самарский государственный университет реорганизовывают, и молодой ученый, боясь остаться и без средств, и без любимой работы, списывается с С.М. Василейским, успешно работающим в Белорусском государственном университете, с просьбой об устройстве на работу с переездом в Минск.

С точки зрения развития культуры Белорусская ССР к тому времени представляла собой живое, развивающееся пространство с процессами, сходными с теми, что происходили в СССР.

Литература Белоруссии в новый, «пролетарский период», преодолев идеологический кризис и разрешив национальный вопрос, оживилась [13, с. 223]. Целый ряд литературных журналов («Маладняк», «Росквіт»), объединений («Узвышша», «Польмя») и писателей (Купала, Колос, Гартный, Чарот, Зарецкий и др.) после творческих исканий заявили «о своем желании создавать пролетарскую литературу». Главные мотивы в современной литературе связаны с изображением классовой борьбы. «В лирике – радость классовой победы и национального освобождения, чувства борца, повстанца, комсомольца, призыв к освобождению Западной Белоруссии. В поэмах – картины пережитой борьбы, эпизоды борьбы в капиталистических государствах, потрясающие образы из жизни Западной Белоруссии. В повестях и рассказах – гражданская война, война с поляками, борьба с политическим бандитизмом, саботажем, контрабандою, религией и разными явлениями старого быта, в последнее время чаще встречаются рассказы о новом советском быте» [там же, с. 224].

В высшем образовании тоже был подъем. Как писал современник, «до расширения территории республики в Минске было два вуза, находившиеся в ведении белорусского Наркомпроса. В настоящее время, с присоединением Витебщины и Гомельской губернии все имеется: Белорусский

¹⁴ Из архива СГСПУ.

Государственный университет и Белорусский Государственный Сельско-Хозяйственный институт в Минске, Витебский ветеринарный институт, Горецкий Сельско-Хозяйственный институт. На территории в 99220 кв. верст и с населением 3859000 человек имеется 4 крупных вуза. В дореволюционное же время Белоруссия не имела ни одного вуза. Белорусский Государственный университет в Минске открыт в 1921 г. в составе 4 факультетов: 1) ФОН (отделения экономическое и правовое), 2) педфак (отделения историческое, этнолого-лингвистическое, естественное и физико-математическое). 2) медфак и 4) рабфак. Благодаря поддержке всех государственных организаций и учреждений Белорусский Государственный университет обзавелся лабораториями, кабинетами, клиниками, и сейчас на Советском Западе это – мощная “крепость знания”» [2].

У профессора кафедры психологии БГУ С.М. Василейского с учебной нагрузкой все было в порядке, но ему также обещали должность руководителя Центральной психотехнической лаборатории БССР, создаваемой при университете. Таким образом, в протокол № 3 заседания педагогическо-методологической комиссии от 9 апреля 1924 г. были записаны условия создания психотехнической лаборатории:

Слушали: доклад И.М. Соловьева о постановке преподавания психологии и педагогики на педфаке.

Постановили: Ввиду того, что кафедра психологии и кафедра педагогики должны выполнять ответственную задачу в связи с реорганизацией Педфака, а также ввиду незамедлительного перехода к экспериментальным методам, необходимости создания педагогического музея, организуется психотехническая лаборатория.

Комиссия находит необходимым ходатайствовать перед деканатом:

1. Об объединении вспомогательных учреждений, обслуживающих дисциплины психологии, педологии, экспериментальную педагогику, научную организацию труда; комнаты, кабинет, лаборатории, музей... и создать Психопедагогический институт.

2. О предоставлении названному институту на первое время не менее 3-х комнат с общей кубатурой 30 куб. сажень.

3. Об изыскании средств на организацию экспериментальных исследований и практических занятий для студентов, без каковых современная постановка преподавания наиболее видных для педагогических дисциплин явлений совершенно невозможна¹⁵.

¹⁵ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 793.

Василейский, предвидя большой объем работ создаваемой научно-практической структуры, был заинтересован в известных ему, надежных, творческих работниках, поэтому кандидатура Александра Александровича как одного из помощников, была весьма кстати. За строками сохранившегося письма Серафима Михайловича¹⁶, которое мы приводим полностью, стоит многое: глубокое уважение учителя к ученику, забота, желание помочь талантливому молодому человеку, сочувствие к коллеге, чей хлеб так же не сладок, как и твой, тревога, что дело может не получиться ввиду каких-то организационных проволочек, некоторая неловкость от того, что не все зависит от него, наконец – описание сложного процесса становления психотехники.

Дорогой Александр Александрович, простите, что отвечаю с запозданием. Дело в том, что, во-первых, дело с психотехнической лабораторией затормозилось, и ожидаемых денег (около 3-4 тысяч) мы не получили, так что я сначала даже был доволен, что писал Вам с большой осторожностью, отметивши, что гарантировать Вам места пока будет нельзя. Но после возвращения из командировки одного видного работника из Рабкрин т. Ракова (он – молодой человек, только что окончил здешний университет и попал ко мне во временные ассистенты по проведению так называемого профессионального практикума) – дело вновь довольно быстро двинулось вперед, и мы получили 1000 р. На проведение краткосрочных курсов по Н.О.Т. и психотехнике. Вскоре т. Раков сообщил мне, что ему удалось добиться еще ассигнования ежемесячно около 100 р. на содержание ассистента при организуемой психотехнической лаборатории. Тов. Раков попросил меня написать Вам, если я нахожу Вас более или менее подходящим работником, о том, что Вам может быть уже теперь предоставлено место ассистента. Но так как я потом немного прихворнул, то и задержался с письмом, и только теперь пишу Вам.

Итак, Вам теперь же предлагается место ассистента, или, вернее, научного работника при психотехнической лаборатории.

Но жалованье Вам склонны уменьшить (не 100, а около 75 р.) и виновным этого, пожалуй, являюсь я. Дело в том, что здесь хотят поставить дело получше и ищут хороших работников, а я не хотел особенно рекламировать Вас, говоря, чтобы они сами потом присмотрелись к Вам и так или иначе Вас оценили. Я думаю, что Вы сумеете зарекомендовать себя, и с осени (а, может, и ранее) Вам удастся получить 100 р., а возможно и более, потому что с осени, как заявил т. Раков, будут утверждены полные штатные ассигнования на психотехническую лабораторию и ее персонал. Итак, Вам надо решать

¹⁶ Из домашнего архива Г.А. Петербургской

вопрос, согласны ли Вы теперь же переехать на работу или нет. Ответьте возможно скорее и после моего телеграфного вызова: «приезжайте», – Вы должны тронуться в путь. Здесь ко мне уже приходили два врача-психиатра (мужчина и женщина) с просьбой взять их в ассистенты, но я ответил уклончиво: не хотелось бы мне брать их. Сам я числа с 10-го мая начинаю читать лекции на краткосрочных курсах и буду вести эту работу приблизительно до конца июня; к этому же времени закончатся занятия и в Университете. Следовательно, если бы Вы приехали сюда числа в 20-х мая, я ввел бы Вас в курс работ, и мы вместе выработали бы план дальнейшей работы. Кстати, я познакомил бы Вас и с небольшой аппаратурой, которая недавно прибыла из Германии для нашей Университетской психологической лаборатории.

В конце же июня или начале июля я, вероятно, приеду в Самару отдохнуть на даче, так что мы с Вами на лето поменяемся местами.

Я думаю Вам также хотелось бы отдохнуть летом, а тут надо ехать в Минск, но такая уж создается комбинация. Возможно, впрочем, что мы как-нибудь обошлись бы без ассистента до осени, а с осени предоставили бы место Вам, но я не могу ручаться за такую комбинацию, потому что не я один решаю вопрос. Теперь же Вам определенно предлагается место с условием поскорее приступить к работе. Теперь же Вам определенно предлагается место с условием поскорее приступить к работе. Мне, впрочем, кажется, что летом (июль–август–сентябрь) не будет особенно напряженной работы, кроме, пожалуй, июля, когда т. Раков хочет развернуть какие-то исследовательские работы по НОТу на краткосрочных курсах (курсы эти будут с начала мая по конец июля – начало августа). О квартирах я Вам писал в первом письме: в общем, как и всюду большой квартирный кризис, но комнату все-таки всегда находят (от 10 до 20 р.), особенно подальше от центра. Продовольствие как будто равно Самарскому.

Что касается Университета, то кое-что, может быть, удастся найти с осени для Вас и там, например, будет свободно место лаборанта по психологии. Но пока все еще под вопросом.

Если Вы согласитесь поехать теперь же на место ассистента, то постарайтесь еще до приезда вчитать в следующие две книги на выбор:

Фр. Баумгартен. Психотехника

Амар. Человеческая машина

Ерманский. Научная организация труда и система Тейлора

Ляи Ж. Система Тейлора и физиология труда

Рыбников. Психология и выбор профессии

Мейерс. Психика и труд

Чахотин С. Организация

Шпильрейн. Психотехника (прибл. назв.)

Мюнстерберг. Основы психотехники, ч. I

Мессно Бернард. Рациональная организация труда и психология

Кроме того, желательны, чтобы Вы ознакомились у Александра Владимировича (отец Гайворовского – прим. Н.Стоюхиной) с основами электротехники (элементы, их соединение, измерение напряжения, силы, сопротивл. электр. тока и проч). И элементарными приборами.

Ну, пока до свидания.

Тот или другой ответ давайте возможно скорее.

Уважающий Вас С. Василейский

Адрес: Минск, Университетская, д. 5. Общежитие профессоров.

Кланяйтесь Александру Владимировичу и Марии Николаевне.

С.В.

Письмо, вероятно, написано весной 1925 г., а чуть позже Василейский прислал телеграмму с одной фразой «Выезжайте». Таким образом появилась в трудовом списке Гайворовского новая запись:

20 мая 1925 – был приглашен Ассоциацией НОТа для работы в качестве ассистента по организуемой в Минске психотехнической лаборатории (при институте Бел. культуры)¹⁷.

О том, какие трудные хлопоты сопровождали отъезд Александра Александровича из дому, говорят строки из записной книжки его матери Марии Николаевны. Отношения между матерью и сыном были очень теплые, в семье не таили взаимную любовь, было принято целовать друг друга, говорить ласковые слова и смешные прозвища.

Мария Николаевна собирает сына в другой город, где он будет жить один, где о нем некому заботится (к тому времени он развелся с О.В. Плотниковой), и самое главное – ничего нельзя купить в магазине. После революции Мария Николаевна служила на Трубочном заводе талонщицей, потом перешла в Самарский совнархоз; их с сыном зарплат не хватало, да и скудость быта тогдашнего человека была ужасающей, еще не закончилась пора НЭПа, продукты и изделия легкой промышленности, продававшиеся в частных магазинах, стоили больших денег, а в государственных все было по карточкам. Пробрести изделие из мануфактуры, проще говоря, рубашку, постельное белье, обувь и пр., было практически невозможно! И Мария Николаевна собирает

¹⁷ Институт белорусской культуры (Инбелкульт) – первая белорусская научная организация, существовавшая в 1922-1928 гг., затем реорганизованная в белорусскую Академию наук.

сына в самостоятельную жизнь так, чтобы он был обеспечен необходимыми вещами (как это понимали люди из их круга) на первое время: достается полотно на простыни и наволочки, полотно на носовые платки, полотно на нижнее белье, полотно на костюм, достаются нитки и пуговицы, шляпа, обувь, и все это шьется, – ведь сын едет в столичный город, он будет работать в республиканской организации, к тому же, он преподаватель в вузе. Они старались сохранить достоинство быта, как будто были виноваты в его всеобщем падении, наверное, понимая, что на многое нужно махнуть рукой, но не могли и не хотели приспособиться к тому, что нужно удовлетворяться тем крошечным и неприглядным минимумом, которое диктовала окружающая действительность.

Вероятно, было тревожно уезжать в неизвестность, но об Александре Александровиче заботился и Серафим Михайлович, который дал такую рекомендацию молодому коллеге, вспоминая время совместной работы в Самаре:

За время своего ассистирования А.А. Гайворовский проштудировал целый ряд фундаментальных трудов по психологии и педагогике и умело помогал мне при постановке психологических и педагогических экспериментов. В частности, он особенно хорошо проводил практикум по умственной одаренности и проблеме упрямства и утомления.

Ввиду всего сказанного я думаю, что А.А. Гайворовский мог бы не без успеха работать в БГУ в качестве ассистента по педологии и психотехнике (под моим руководством)¹⁸.

25/VI-1925

Педагогическая сторона его новой жизни в Минске устраивается достаточно успешно: он избирается на должность ассистента по кафедре педологии психотехники БГУ (1925-1929), преподает педологию и психологию в Польском педагогическом техникуме г. Минска (1926-1928), руководит работой по переподготовке учителей и работников детских домов Минска (1928), а с 1 октября 1929 г. утверждаются доцентом по кафедре педологии БГУ¹⁹.

Сохранился отчет по учебной и научной деятельности ассистента педфака А.А. Гайворовского за 1926-27 уч.гг.: кроме учебной работы – занятия по педологии на естественном отделении II курса и по психологии на I курсе, насыщенная научная деятельность, а речь идет всего на всего об ассистенте:

Научная работа:

А) по проработке научной литературы:

¹⁸ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1497. Л. 5

¹⁹ Из домашнего архива Петербургской Г.А. Трудовой список.

За данный год проработаны следующие научные труды:

О. Ши «Роль активности в жизни ребенка»;

Павлов «Лекции о работе больших полушарий мозга»;

Уотсон «Психология как наука о поведении»;

Штерн «Проблемы умственной одаренности»;

Болтунов «Практикум по методике психологических исследований»;

Юнг «Психологические типы», а также ряд других статей.

Б) по экспериментальным исследованиям:

Проведено широкое исследование круга реальных представлений и знаний детей и взрослых различных социальных, национальных и культурных групп населения БССР (работа проведена на материале в 2700 человек); исследование проф. одаренности студентов Минского железнодорожного техникума (исследование до 120 человек); исследование круга литературного опыта различных групп молодежи (400 человек); разбивка по спецодаренности молодежи, прибывшей в местные военные части (до 500 человек).

В) научные труды:

За этот год мною были написаны следующие работы:

1) Основы психотехники политпросветработы (капитальная работа на 13 печатных листов);

2) Круг знаний и представлений современного белорусского ребенка (печатается в Педагогическом сборнике);

3) Психотехника и бибдело (в рукописи);

4) Очерк методологии профессиологии (печатается в трудах ассоциации НОТ);

5) Психологические параллели (в «Асьвете»)²⁰.

Г) научные доклады:

1. Справка-характеристика методов изучения профессий;

2. Основы психотехники политпросветработы (в Москве на съезде по психофизиологии труда);

3. Психотехника политпросветработы (в Инбелкульте);

4. Личность и профессия (в ВСНХ);

5. Изучение личности читателя (на Поволжском съезде бибработников).

Д) научная командировка:

1. в Ленинград в Институт изучения мозга (краткосрочно за свой счет);

2. в Москву (на съезд по психофизиологии труда).

Е) конструкторская работа:

²⁰ Статья о научном творчестве А.А. Гайворовского можно будет прочитать в следующем номере журнала «История российской психологии в лицах: Дайджест».

1. сконструирован аппарат для исследования сложных реакций на комплексные ситуации;

2. сконструирован аппарат для исследования меткости удара²¹.

Действительно, его научная карьера складывается удачно, сфера его разносторонних интересов расширяется: Гайворовский заявляет себя как педолог, психотехник и психолог, готовый рассматривать и решать общие, методологические проблемы психологии. Его поддерживал К.Н. Корнилов, под редакцией и с предисловием которого вышла книга Александра Александровича «Основы психотехники политпросветработы» (1928), а в 1930 г. в сборнике «Основные механизмы человеческого поведения», изданном во 2-м МГУ под редакцией К.Н. Корнилова, были представлены несколько статей Гайворовского: «основы чувств и их функции», «Влечения и инстинкты», «Чувство и эмоция», «Установка при реакциях (внимание)», «Память и воображение», «Связь реакций», «Мышление и речь», «Регулятивные механизмы (Волевая деятельность)».

За период 1925-1928 гг. Центральная психотехническая лаборатория БССР охватила широкий круг проблем, в том числе и педологических, например, обследовались выпускники Минской Объединенной Профтехшколы с целью выяснения значения общей умственной одаренности для их школьной и профессиональной успеваемости; был исследован круг литературного опыта современной молодежи в целях выявления различных типов литературного опыта различных групп современной молодежи (около 800 чел.), для чего был составлен ряд специальных тестов; проводились профконсультации для подростков, направляемых Минской биржей труда на производство; у учащихся, оканчивающих школу II ступени, и у разных групп населения в целях выявления уровней общежизненного и общекультурного развития различных возрастных, половых, национальных и социальных групп населения БССР (3500 чел.) исследовался круг реальных представлений и знаний; была составлена специальная система тестов для данного исследования. Но все-таки основная работа лаборатории была в рамках психотехники.

В отдельное направление деятельности была выделена работа с частями Красной Армии, тем более, что с 1925 г. Гайворовского назначили руководителем всей научно-исследовательской работы по психотехническим испытаниям в частях ОГПУ Белорусского военного округа, и он проводил психотехнический отбор кандидатов, поступающих в Военную Окружную Школу Погранохраны, в целях их разбивки на 6 параллельных групп по их умственной одаренности (получено совпадение с оценкой преподавателей

²¹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1497. ЛЛ. 17-18.

более, чем в 90%), разрабатывал психogramмы красноармейцев погранохраны, кавалеристов и т.д., обследовал курсантов Пограншколы Комсостава для выделения отличившихся в особую кавалерийскую группу и курсантов Полковой Школы N-ской дивизии (300 чел.) для выявления связи между их умственной одаренностью и пригодностью к занятию различных командных должностей, занимался психотехническими испытаниями с молодежью (750 чел.), поступающей в отряды погранохраны, изучал круг реальных представлений и знаний (из области современности, царского строя, природы и техники) у кавалеристов N дивизии (200 чел.) и в школе Погранохраны (140 чел.). Александр Александрович писал:

Помимо работы в ВУЗах и научно-исследовательских учреждениях я с 1918 года вел работу в частях Красной Армии в качестве добровольца, занимая должности старшего и высшего политпросветсостава (последняя моя должность, с которой я демобилизовался в 1924 году – должность старшего инструктора Политуправления ПРИВО). В 1925-1927 годах я руководил всеми психотехническими исследованиями в частях погранохраны и др. военных частях Бел. Военного Округа. Проводил исследования бронечастей, артиллеристов и кавалеристов²².

Мирные профессии подвергались еще большему психотехническому охвату:

- изучалась профодаренность учеников школ фабзауча, зубных врачей, хирургов клиник Белорусского Государственного Университета, шахматистов (участников одного из окружных шахматных турниров), кочегаров, слушателей железнодорожного техникума;

- составлялись профессиogramмы труда телефонистки центральной городской станции г. Минска, инспекторов Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции, шофера, кондуктора, железнодорожника, дежурного по станции, фабзаучников, зубных врачей, хирургов, шахматистов;

- проводился профотбор студентов Комвуза им. Ленина, лиц, поступающих в объединенную профтехшколу металлистов и деревообделочников, молодежи, поступающей в профтехшколы фабзавуча, кандидатов, поступающих на отделение строителей и на столярное отделение Белорусского Центрального Института Труда, кандидатов, поступающих в Минский Комвуз им. Ленина;

- изучалась профквалификация шоферов Белавтопромторга (получено совпадение в 75% с данными администрации и значительно большее

²² Из домашнего архива Петербургской Г.А. Автобиография.

совпадение с практикой езды и статистикой несчастных случаев) и профпригодность у кондукторов Автопромторга

- организовывалась систематическая и широкая профконсультация для лиц, оканчивающих школу II ступени, где читались массовые доклады на тему о выборе профессии и психологических особенностях основных профессий.

В 1927 году штат лаборатории увеличился на двух сотрудников: д-ра Школьникова, который должен был повести работу по вопросам изучения физиологии труда, и технической сотрудницы Н.И. Трубенюк, выделенной для работ в лаборатории Минским Окр. Отд. Народного Образования, так как в этот год лаборатория ставила себе ряд педолого-психотехнических задач в своей работе. Кроме этого, за все время своей работы лаборатория часто проводила целый ряд побочных работ в контакте с целым рядом учреждений, научных работников и практических работников школ и диспансеров. Так была проведена работа по организации психологических испытаний в нервной клинике Бел. Гос. университета по организации профконсультации при центральном детском диспансере г. Минска, по организации ряда психотехнических исследований в ряде Н частей и частей погранохраны, в результате чего создавался даже кабинет по изучению вопросов психофизиологии при соответствующем управлении. Кроме того, в исследовательских работах лаборатории принимали деятельное участие ряд педагогов, врачей и других работников... Психотехническая лаборатория принимала также самое деятельное участие в работе Всебелорусской Ассоциации НОТ и Методико-Педологической Ассоциации при Наркомпросе. Кроме этого, лаборатория стала своего рода центром по снабжению педологических и психотехнических кабинетов белорусских педтехникумов необходимыми им приборами и тестами [6, с. 129].

Жизнь потихоньку налаживалась, с безденежьем, так мучившим первых сотрудников лаборатории, было покончено и в середине 1927 г. лаборатория получила из Германии аппаратуру, расширила площадь на целых три больших комнаты, в одной проводили коллективные испытания, в другой была аппаратурные установки, а в третьей находился кабинет заведующего лабораторией.

Многое делали они сами – Серафим Михайлович Василейский и его ставший вполне самостоятельным ученик – например, конструировали тестовые методики: прогрессивный тест Эббингауза, тесты на наблюдательность, картографическую память и точность восприимчивости, тест на знание слов и объектов, тест на исследование круга литературного опыта, буквенный тест Бурдона, прогрессивный тест Бурдона.

И еще один вид научной деятельности психологов того бурного времени упомянем особо. Василейский, обучаясь в Санкт-Петербургском университете на историко-филологическом факультете, дополнительно изучил основы математики, физики и химии, причем, по физике сдал зачет как студент естественного отделения со специальным курсом электричества, а Александру Александровичу помог в получении знаний по физике его отец Александр Владимирович, учитель физики, имевший дома много физических приборов. Таким образом, будучи неплохо знакомы с физикой, они для рабочих нужд сконструировали ряд оригинальных приборов: сложный экспозиционный прибор для исследования дежурного по станции; прибор на мышечную память; прибор на меткость удара; сложно комплексный прибор, объединяющий в себе кимограф, мнемометр, complicationные часы и хроноскоп, отмечающий время до 1/50 доли секунды); прибор для исследования точности и координированности работы на узко ограниченном поле (для исследования зубных врачей); видоизмененный и упрощенный аппарат Мюнстерберга для исследования шоферов; аппарат для исследования подвижного глазомера и ряд других менее значительных приборов и аппаратов.

Забегая вперед, скажем, что работа в лаборатории была четко организована и после отъезда Серафима Михайловича в Нижний Новгород (1929 г.). психотехническое движение продолжало развиваться, уже под руководством Александра Александровича, назначенного заведующим в январе 1929 г. А в январе 1930 г. Гайворовского утвердили еще и заведующим кафедрой психотехники Научно-исследовательского института педологии и педагогики²³. Впрочем, совсем вскоре началась реорганизация института, и 1 апреля 1930 г. он был освобожден от занимаемой должности зав. психотехнической лаборатории от должности доцента Белорусского университета.

За время жизни в Минске Александр Александрович ездил на все большие организационные мероприятия, где собирались педологи и психотехники. Там же был его старший друг и коллега С.М. Василейский.

Первая Всесоюзная конференция по психофизиологии труда и профподбору (Москва, 29.05.1927-03.06.1927). Гайворовский выступил с двумя докладами – «Основы психотехники политпросветработы» и «Сравнительная оценка методов психотехнической характеристики профессий», активно участвовал в прениях по выступлениям своих коллег [30].

²³ Из домашнего архива Г.А. Петербургской. Автобиография.

Первый Всесоюзный педологический съезд (Москва, 27.12-1927-04.01.1928). С.М. Василейский – член Президиума съезда от Белорусской ССР [19].

Александр Александрович участвовал в работе секции первого школьного возраста, «особенно богатой докладами, которые с трудом уложились в рамки отведенных для работы восьми заседаний» [35, с. 43]. Прослушав 39 выступлений, педологи проработали следующие вопросы: идеология современного школьника, его физическое развитие, физкультура в школе I ступени, детский труд, школьные тесты как метод школьной успешности, педологический анализ школьной работы, педологический анализ основных навыков (чтения, письма), типологические особенности школьника и язык и круг его представлений, ребенок и кино, учебные пособия и школьное оборудование. Доклад Гайворовского назывался «Круг знаний слов белорусского ребенка», подобное же было выступление Афонского «Речевые ресурсы современного школьника». Как отметил Н. Рыбников, «доклады вскрыли, что наблюдается расширение объема словаря за последние годы, и что современный школьник обладает широко развитым умением использовать имеющийся у него словарь» [там же, с. 48].

Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека (Ленинград, 25.01-01.02.1930). С.М. Василейский – член Президиума психотехнической секции от Белорусской ССР [1]. Гайворовский выступает дважды – в секции «Социальная психология и изучение поведения» с докладом «Музыка и коллектив» и в секции «Одаренность и профпригодность» с докладом «Основные проблемы методологии и теории теста» [30].

Первый съезд Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии (Ленинград, 20.05-25.05.1931). Василейский выступал уже как нижегородский психотехник, а Гайворовский представил доклад, написанный совместно с В.Н. Андреевой, «Проблемы психотехники политехнизма» [10].

Кроме карьерных ступеней, работа в Белоруссии дала молодому ученому много в научном становлении – работа и общение с такими учеными, как В.Н. Ивановский, А.К. Ленц, С.М. Ривес значили для молодого ученого многое. В это же десятилетие он познакомился с К.Н. Корниловым и сотрудничал с ним. Роль С.М. Василейского, учителя и старшего товарища, в жизни Александра Александровича велика, именно от него была получена «путевка в жизнь», он сумел разглядеть в нем жажду нового, трудолюбие, аккуратность...

Мы очень мало знаем о личной жизни нашего героя, но о некоторых фактах нам бы хотелось упомянуть.

Александр Александрович осуществил свою давнюю мечту – опубликовал свои стихи. Наверное, каждому, кто хоть немного пишет, хочется видеть свои строки набранными в типографии. Как уже упоминалось ранее, это был небольшой сборник стихов «Зачарованные тропинки», в подзаголовке значилось: «Эскизы, настроения, фантазии, интуиции, реальности», накопленные автором с 1916 по 1926 гг. Вероятно, книга вышла за счет автора, она имеет надпись: «на правах рукописи» и «без права продажи».

Интересно посвящение, предваряющее стихи:

ВАМ, небольшому кружку друзей и спутников своей одинокой и замкнутой в глубоких недрах своих же собственных переживаний и родников жизни, посвящаю я этот сборник. Примите эту дань моей глубокой и искренней признательности Вам за те дни и годы совместных исканий, которые в стальных вихрях жизни выковали наши жизненные пути. Они дали нам познать всю глубину человеческих отношений, поставленных перед грозными ударами внешних и внутренних шквалов жизни и природы. Мы победили; да, именно сейчас мы с полным правом можем сказать это. Все мы были то друзьями, то врагами, жизнь ставила нас во все многообразие возможных отношений. Она каленым железом пробовала наши силы, но мы оказались сильнее ее, мы смеялись под ее шквалами. Нам ничем была игра слепых стихий, ее извечного круговорота. Мы остались все теми же ищущими и стремящимися к глубокой и внутренней восполненной и целостной жизни. Мы падали, мы обрывались, нас засасывала трясина, но не мы ли поднимались и с новым подъемом и с новой и преобразившейся мыслью и мечтой шли своими заповедными тропинками к своим далеким маякам-целям. Примите эту скромную дань моей и нашей дружбы, эти бледные и робкие эскизы моих и ваших переживаний. Это прелюдии еще неосознанных стремлений и целей, это едва забрезжившая заря самосознания пройденных нами этапов и перевалов жизни. И если форма подчас не выдержана и угловата, и если само содержание прихотливо и эскизно, то помните, что не поэзия это, что не перед литературным сборником находитесь Вы, а что перед Вами лежат осколки и эскизы моей и нашей жизни, а осколки всегда угловаты и незакончены. В этом сборнике осколки, но не сонаты, прелюдии, но не симфонии, эскизы, но не песни.

А. Г.

Здесь и высокая оценка дружбе, которая сохранилась, выдержала испытания непростым временем (вспомнить хотя бы надпись на юношеском фото), и благодарность. Интересны два эпитафия, первый – строки из стихотворения друга юности Александра Александровича Андрея Гриневича:

*И вечной мысли льется мура*²⁴

На полудетские черты.

Второй эпитафия – строки поэта начала XX в. И. Рукавишников:

И да и нет, и да и нет

И вечно – да и нет.

Ни да, ни нет, ни да, ни нет,

А только да и нет.

Гайворонский верно выбрал эпитафия, он видел себя действительно таким: постоянно думающим, сохранившим в себе что-то детское, не сомневающимся, а скорее, диалектиком. Несмотря на то, что стихи собраны за 10 лет, т.е. с его 17 лет, он не стал в них ничего менять, а может быть ... он сам не сильно изменился

Первое стихотворение он посвящает своей горячо любимой матери:

Ты эхо вечности,

мелодия немая,

Тень красоты

и истины любви.

Ты искра пламенно

живая

Ты меду зов,

рыдающий в ночи [11, с. 5].

В домашнем архиве хранилось несколько нежных и теплых писем Александра Александровича матери, отправленные им из Минска в разное время.

Дорогая мамуся!

Получила ли ты мои открытки, одну с дороги, другую из Минска, эта уже 3-я, и деньги сто сорок руб., которые я перевел по телеграфу, из них 50 руб. тебе на жизнь и 90 руб. на лестницу, белье и другие хозяйственные расходы? Питаюсь хорошо. Температура колеблется от 36,3 до 37,1, но в большинстве нормальная. Как здоровье Нинки? Поцелуй ее от меня. Привет отцу. Шью пальто. Дела идут хорошо, только скучаю о Самаре. Мамуся, напиши немедленно о себе, о том, как вы там живете. Ты была, кажется, в опере? Крепко целую. А.

*5/III-26*²⁵

²⁴ Мура (церк.-слав) – миро.

²⁵ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

Мне лично очень бы хотелось проехать с тобой в Ленинград, чтобы иметь возможность показать тебе Ленинградские музеи и Эрмитаж. Мы побывали бы с тобой в лучших картинных галереях, в театрах и во всем, что есть в Ленинграде интересного. Остановились бы у Луки Ильмеева или у Лёльки, и у того, и у другой имеется полная возможность дать нам приют. Сейчас я получаю достаточно денег, и мы могли бы с тобой эту поездку сделать вполне хорошо, а кто знает, вдруг, обстоятельства изменятся и нам с тобой уж не удастся никогда сделать такой поездки. Хотя, конечно, мы можем на каникулы с таким же успехом приехать и в Самару и провести мои каникулы в Самаре. Хорошенько обдумай мое предложение и напиши мне. В Минск лучше всего будет, если ты приедешь в первой половине декабря, в 10-15-х числах. Ну пока, всего хорошего. Крепко целую и очень-очень люблю...

Еще раз крепко целую свою любимую мамусю. Пиши.

Гайворовский А.

Р.С. Получила ли ты журнал «Асьвета», сиречь «Просвещение», с моей статьей? «Вопросник»?²⁶

Мы не можем назвать точную причину, по которой А.А. Гайворовский уехал из Минска, можем лишь предположительно назвать несколько причин.

В небольшой заметке пересказывается публикация статья «Выше бдительность» из газеты «Правда» от 1 марта 1932 г.²⁷, где некто Х.Д. указывал на ряд отклонений в сторону великодержавного шовинизма, имеющих место в Белоруссии, в том числе. В «Трудах Института охраны труда» при Наркомтруде БССР (издание конца 1931 г.); доцент этого Института Гайворовский в статье «Интересы и запросы современной молодежи» пытается «научно» доказать, что дети белорусских школ любят, главным образом, русский язык, но не любят белорусского и еврейского народного языка. В ряде мест своих «трудов» Гайворовский делает вывод, что специфические профессиональные стремления находятся в зависимости от... национального происхождения. Этот поклеп на молодое поколение белорусских трудящихся со стороны явного великодержавника прикрыл доцент Дихтяр²⁸ – член партии, директор названного института, проявивший гнилой либерализм, заявляя в предисловии к этой книге, что работах Гайворовского имеются лишь некоторые «методологические ошибки» [16, с. 141].

Работать в Белоруссии становится опасно из-за начавшихся политических процессов, обусловленных «классовой борьбой на научном фронте»,

²⁶ Там же.

²⁷ Заявленную статью нам найти не удалось, вероятно, редакцией была допущена ошибка в указании номера.

²⁸ Директор Белорусского НИИ организации и охраны труда Дихтяр Соломон Романович (1894-1980).

протекающей «в наиболее сложных, наиболее завуалированных, а потому наиболее трудно распознаваемых формах. Борьба эта вращается сплошь и рядом вокруг разрешения национального вопроса, и национальный вопрос поэтому сплошь и рядом служит той лакмусовой бумажкой, которая выявляет классовое лицо научных работников Белоруссии» [9, с. 37]. Академик, директор Института философии и права АН БССР С.Я. Вольфсон указывает на основную и главенствующую опасность – «как и во всем Союзе, великодержавный российский шовинизм, выражающем, по определению Сталина, стремления отживающих классов господствующей ранее нации вернуть себе утраченные позиции» [там же]. Фабрикуется дело «Союза освобождения Белоруссии», в результате весной-летом 1930 г. арестована большая группа сотрудников Наркомзема, Наркомпроса, деятелей науки и культуры. Только в белорусской Академии наук было арестовано более 30 человек» [8, с. 7].

Есть еще одно предположение: 14 октября 1930 г. был арестован отец Гайворовского Александр Владимирович, учитель физики. в железнодорожной школе № 5. По воспоминаниям Г.А. Петербургской его обвиняли в попытке убийства И.В. Сталина и М.В. Хатаевича (первый секретарь Куйбышевского обкома партии, также репрессированный и расстрелянный в 1937 г.). Александру Владимировичу было в то время 75 лет. Он, преподавая физику много лет, имел дома много интересных для ребят физических приборов, к нему приходило много подростков, и может быть, это послужило основой какого-нибудь сфабрикованного дела об антиправительственной группе. Обвинение выдвигалось по статьям 58-6, 58-8 и 58-11 (соответственно: шпионаж, террористические акты, направленные против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, всякого рода организационная антисоветская деятельность). 28 ноября 1930 г. был приговорен к 3 годам условно. А.В. Гайворовский был реабилитирован в 18 октября 1967 г. Военным трибуналом ПриВО за полным отсутствием состава преступления. Сам Александр Владимирович умер в 1944 г.

Возможно, это событие привлекло к самому Александру Александровичу пристальный интерес со стороны органов, либо же он сам решил сменить место жительства и в 1930 г. Александр Александрович переезжает в Краснодар, а потом в Ростов-на-Дону.

В 1930 году был избран профессором Кубанского пед. института по кафедре психологии и психотехники. В этом звании утвержден Наркомпросом РСФСР. Там же в Краснодаре заведовал крупной психотехнической лабораторией Гортруда и ГорОНО.

В 1932 году был приглашен заведовать психотехнической лабораторией Института Организации труда в Ростове-на-Дону. Там же я работал профессором Ростовского пед. института и вел курсы по экспериментальной психологии и педагогической психологии со студентами и аспирантами института. Был научным консультантом психотехнической лаборатории Россельмаша. Был профессором института Охраны материнства и младенчества по психологии женского труда²⁹.

Трудовой список, хранящийся в архиве СГСПУ, показывает:

Кубанский педагогический институт

1 сентября 1930 – назначен профессором, завед. педолого-психотехнической лабораторией

1 октября 1930 – назначен зав. политико-просветительским отделением института

1 июня 1931 – уволен в 2-мес. трудовой отпуск

Государственный педагогический институт г. Краснодар

25 апреля 1932 – зачислен зав. психотехнической лабораторией С.К. Краевого института Профпатологии и Труда

1932, 1933, 1934 – вел спец. курсы на педологическом отделении по экспериментальной психологии, психотехники и курс психологии с аспирантами

29 августа 1934 – уволен со службы в Азово-Черноморском Институте труда.

Гайворовский попал был в состав нового правления Ростовского отделения ВОПиПП, где, кроме него, были: Я.Ф. Самтер, Гарибьян, Покровский, Голонзко, Бирюков [46].

И снова мы вынуждены сказать, что нам известно о работе нашего героя в тот период ничтожно мало. Кроме участия в VII-й Международной психотехнической конференции³⁰ (Москва, 09-13.09.1931), он проводил исследования технически конструктивного развития школьников [12] и вместе с коллегами врачами-гигиенистами составил полную профессиограмму наждачницы (публикуется в этом номере журнала) [3]. Также была написана статья о труде полотняниц³¹. Остались в рукописи подготовленные статьи «Опыт изучения факторов быстроты простой реакции», являющейся «опытом хроноскопического изучения факторов, определяющих собою быстроту простой реакции в целях определения значения этих факторов в работе

²⁹ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

³⁰ Автобиография. Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

³¹ Из домашнего архива Г.А. Петербургской: Труд полотняниц завода Ростсельмаш // Труды Азово-Черноморского института охраны материнства, 1934 (совм. с бригадой института)

станочных и водительских профессий. Выполнена на материале 20.000 полученных и замеренных реакций в 1933-1934 гг.»³², и «Психологическая классификация ведущих профессий Ростсельмаша», о чем сам Александр Александрович писал: «работа выполнена в Азово-Черноморском институте Труда коллективов врачей и психологов под его руководством в 1933-1934 году на основании детального изучения 50-ти ведущих профессий сельхозмашиностроения, охватывающих собою до 70% всех рабочих Ростсельмаша»³³.

Еще одна деталь о своей работе, не оставившей печатного следа:

*В моей лаборатории (в Ростове-на-Дону) проводились испытания летчиков (1932-33 гг.)*³⁴.

Из письма к близким мы узнаем о бытовых и материальных проблемах Александра Александровича:

13 октября 1932 г.

Дорогая моя мамуся, папа, Нина, Ляля, Таничка и Вера!

Как-то все вы, дорогие мои, живете сейчас? Жизнь сейчас настолько тяжела, что мне просто жутко временами, когда я думаю о том, как все вы там живете и как питаетесь, ведь сейчас все это так трудно и так дорого. Моя работа в Ростове все как-то до настоящего времени не вполне налаживается и по своему содержанию и по зарплате, а отсюда у меня страшно угнетенное состояние из-за того, что я тебе, мамуся, все эти месяцы, начиная с весны, нерегулярно высылаю деньги на жизнь. Это меня безумно угнетает, и я жду не дождусь, когда я получу тот или иное место по совместительству, которое могло бы давать мне возможность бесперебойно снабжать тебя хотя бы небольшим прожиточным минимумом рублей в 150 в месяц. Думаю, что в ближайшие месяцы я себе что-нибудь в этом роде раздобуду. Мама, последний перевод по телеграфу я перевел в середине августа (кажется 17-18 числа), но я до сих пор не знаю, получила ли ты его (150 руб.). Получила ли ты два моих письма из Крыма (в конце августа и в середине сентября)? Через три-четыре дня пошлю тебе перевод на сто рублей, а 2-3 ноября постараюсь еще сделать перевод на такую же сумму. А в эти месяцы я только и надеялся на то, что у тебя на сберкнижке есть немножко денег, и что благодаря этому ты как-нибудь сумеешь устроиться. Но теперь я уже смогу посылать тебе деньги регулярно раз в месяц.

³² Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Автобиография.

Эх, мамуся, как меня мучало все эти месяцы мое безденежье и невозможность регулярно тебе посылать, ты и представить себе не можешь, как это угнетало меня! Но сейчас начинается работа в пединституте, правда, в нем я буду получать очень маленькую ставку, но плюс основной оклад по институту в 400 руб. (хотя на руки фактически получаю не более 300-320 руб.) дает мне возможность регулярно посылать тебе.

В Крыму я очень загорел, прибавил на 2 килограмма, а от морских купаний окрепла все же и нервная система. Вообще я поездкой в Крым очень доволен. В Ростове после Крыма показалось очень неважно и пыльно и грязно. А тут еще кой какие неприятности по службе были и вызывали на переучет в военкомат, так что за это время писать писем просто как-то не хотелось.

У нас уже холодновато, хотя стоят солнечные дни, деревья уже наполовину стоят голые и дуют холодные ветра. В Институте еще не топят, поэтому в лаборатории и дома немного мерзну, но пока еще немного. Здесь отопление центральное и, кажется, угля все же хоть и немного, но запас институт, так что топить будут. Обедаю в столовке научных работников. И это единственное спасение, так как все очень дорого.

Запаслись ли вы дровами на зиму? Как устраиваетесь с обедом, не прикрепилась ли к той или иной столовке? Как твоё здоровье, мамуся? Как папа и все остальные себя чувствуют? Что у вас нового? Пишите чаще.

Крепко-крепко целую. Александр.

Интересен упоминаемый в письме факт пребывания Гайворовского в Крыму. Там, в знаменитом санатории «Бобровка» (детский костнотуберкулезный санаторий им. А.А. Боброва находится в Алушке; о нем трогательно и проникновенно написал К. Чуковский [44]) он провел исследование в 1932-1933 г., результатом которого стала рукописная статья «Психогигиена лежачего ребенка-костника», выполненная совместно с О.В. Плотниковой и В.Н. Андреевой³⁵.

Вероятно, в 1934 г. Гайворовский подал документы для участия в конкурсе в Самарский педагогический институт и выиграл, т.к. 29 августа он был назначен там профессором.

И с этого времени начинается новый период жизни Александра Александровича в родном городе, где жили его родители и друзья.

³⁵ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

САМАРА – КУЙБЫШЕВ

Вскоре по приезду в Самару Александр Александрович женился. Его избранницей стала Мария Семеновна Петербургская. Она родилась в 1902 г. в с. Олинск Читинской губернии (сейчас – село Олинское Нерчинского района Читинской области), окончила Академию коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. С 1930 г. жила в Самаре, преподавала педагогику в Самарском педагогическом техникуме. С 1933 г. и до 1964 г. работала в Самарском (Куйбышевском) государственном педагогическом институте (КГПИ), сначала ассистентом, потом старшим преподавателем кафедры педагогики и психологии, кандидат педагогических наук. Человек очень активный и ответственный, в годы войны она была заместителем директора по заочному отделению (1943-1946 гг.), а также несла большую общественную нагрузку как член женсовета КГПИ и создала первую в Куйбышеве донорскую группу. Научным руководителем ее диссертации была Н.А. Менчинская.

В 1937 г. у Александра Александровича и Марии Семеновны родилась дочь Галина.

В родном городе его жизнь складывается, на первый взгляд, нормально: в конце 1934 г. в Доме художественного воспитания детей открывается педологический кабинет, и Гайворовский назначается его руководителем [45], потом – заместителем заведующего кафедрой в педагогическом институте.

Вскоре педология перестала существовать [21, 40] и после Постановления «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» 4 июля 1936 г. всем психологам, ранее занимавшимся вопросами педологии и психотехники, пришлось корректировать научные планы. Кафедры педологии реорганизуются в педагогические или психологические, ученые, переходя в психологов или педагогов, выбирают для своих исследований «безопасные» темы, одной из которых становятся различные аспекты преподавания психологии в педагогических институтах. Тон задают известные ученые В.Н. Колбановский, К.Н. Корнилов, С.Л. Рубинштейн, публикуя свои статьи в ведущих журналах [20, 21, 34]; с 25 августа по 3 сентября 1936 г. проходит совещание заведующих кафедрами педагогики и преподавателей психологии в педвузах по перестройке программ по педагогическим дисциплинам [24].

Докладчики говорили о существовавшей до Постановления «двусмысленной позиции психологии в системе педагогических наук, педология вытеснила психологию и психологов» [24, с. 39], о новой программе для педвузов, построенной как программе функциональной психологии

(В.Н. Колбановский), которая «дает онтогенез, дает функции в возрастном плане и в этом же плане проблему личности, и все это построение в единстве в общей логике науки» (С.Л. Рубинштейн) [там же, с. 40]. К.Н. Корнилов остановился на двух вопросах преподавания психологии – на практических занятиях и методах психологии [там же, с. 41].

В 1936 г. А.А. Гайворовский выбирает себе тему будущей докторской диссертации – «Наглядность в преподавании психологии», и в 1937 г. на кафедре Куйбышевского педагогического института делает доклад «Содержание и методы преподавания психологии в пединституте»³⁶.

Не следует забывать, что прошел всего лишь год после Постановления ЦК, воспоминания о закрытии педологии еще живы и часть присутствующих сами были педологами в недавнем прошлом.

В хранящейся в архиве стенограмме заседания кафедры мы читаем в самом начале заверения Гайворовского «в полном соответствии с программными указаниями Наркопроса»³⁷ преподаваемого им курса психологии; далее «красной нитью» он проводит две линии развития науки – идеалистическая (Платон, Декарт, Беркли, Гербарт, Мейман, Вундт) и материалистическая (Демокрит, Ламетри, Уотсон, Павлов), подчеркивает значение трудов Маркса, Энгельса и Ленина. Докладчик представляет тематический план всего курса и предлагает план лекции по теме «Мышление». Нам показался интересным этот материал, поэтому мы приведем большую цитату:

Как приходится работать над курсом

Несмотря на то, что я уже четырнадцать лет читаю курсы психологии в вузе, мне приходится очень много готовиться. Моими настольными книгами при работе над курсом являются «Диалектика природы» Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, «Теория отражения» Тодора Павлова. Используются мною и другие произведения классиков марксизма-ленинизма.

Используются мои записи и данные, полученные в Университете Марксизма—Ленинизма. По отдельным вопросам я консультировался у тов. Шохара³⁸ и у тов. Тяхта³⁹. Кое-что новое и интересное дали мне лекции товарища, читавшего «Диалектику природы» в Университете Марксизма—Ленинизма. Кроме чисто литературы в настоящем году я использовал ряд

³⁶ Государственный архив Самарской области (ГАСО). Р-2304. Оп. 1. Д. 22.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ Шохор В.М. – автор нескольких книг по идеологической пропаганде, в основном по антирелигиозной пропаганде, член МГ ВКП (б).

³⁹ Лицо не установлено.

работ по психиатрии и психопатологии. Ряд интересных данных я получил из работ Ю. Каннабиха (с предисловием Ганнушкина) «История психиатрии», ряд интересных статей из журналов «Советская невропатология», «Психиатрия», «Психогигиена» за 1935-1936 гг., которые дают не мало нового и интересного материала для психолога (например, статья Загарника и Биренбаум о проблеме смыслового восприятия⁴⁰, статья Кюнцель «К вопросу о ритме и его воспитании»⁴¹ и др.). Не мало интересного я извлек из работ по зоопсихологии, например, можно отметить двухтомную работу Ладыгиной-Котс (изд. 1935 г.) «Дитя шимпанзе и дитя человека», работы анатома-биолога Когхилла по анатомии и поведению простейших⁴², работы Мальковского по изучению движений-поведения зародыша⁴³. Не мало интересного получил я для курса из проработки исключительно интересной работы Элтрингема «Строение и деятельность органов чувств насекомых»⁴⁴. Использовал ряд физиологических работ, из которых особенно хотел бы подчеркнуть работы про электрофизиологии одного из крупнейших электрофизиологов современности Эбриана «Образы ощущений»⁴⁵. Помимо этого по курсу детской психологии я перебрал, кажется, почти всю существующую на русском языке литературу по экспериментальному изучению детской памяти, внимания, восприятий и т.д. Иногда удавалось натолкнуться на ценный материал экспериментального характера в таких журналах как «Детская литература», где я нашел работы Института по изучению детского чтения о развитии чувства смешного у детей (работа тов. Григорьевой⁴⁶). В среднем на подготовку к лекции я затрачиваю по 8-10 часов. В результате этой работы у меня собирается альбом сводок экспериментальных табличных данных всех наиболее интересных работ в этой области. В прошлом году я закончил атлас изобразительно-графического расположения всего курса психологии и получил довольно высокую оценку кафедры. В этом году я работаю над некоторыми дополнениями к этому

⁴⁰ Имеется в виду статья Зейгарник Б. В., Биренбаум Г. В. К проблеме смыслового восприятия // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1935. Т. IV. В. 6.

⁴¹ Речь идет о статье Кюнцеля А.А. (1898-1984) – российского ученого-медика, преподавателя Пермского медицинского и педагогического институтов, основателя скаутской организации в Перми, основателя Пермского общества врачей-физиотерапевтов «К вопросу о ритме и его воспитании» // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1935. Т. IV. В. 6.

⁴² Вероятно, речь идет о: Когхилл, Дж.Э. Анатомия и проблема поведения: Эмбриология против рефлексологии. Пер. с англ. под ред. В.М. Боровского. М.-Л.: Биомедгиз, 1934.

⁴³ Работу найти не удалось.

⁴⁴ Элтрингем Г. Строение и деятельность органов чувств насекомых. Пер. с англ. Под ред. проф. Э.Е. Беккера и Н.Ю. Войтониса. М.-Л.: Биомедгиз, 1934.

⁴⁵ Эдриан Э.Д. Основы ощущений. Деятельность органов чувств. Пер. с англ. В.А. Дорфмана. Под ред. А.Ф. Самойлова, И.Л. Кана. М.: Госмедиздат, 1931.

⁴⁶ Речь идет о Татьяне Александровне Григорьевой (1877-?), сотруднице Института детского чтения.

атласу и над изменением отдельных таблиц, в особенности по разделу методов психологии (в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) о педологических извращениях). Также работаю над созданием нового атласа по детской психологии. Работаю над созданием хрестоматии из отрывков художественной литературы, иллюстрирующих те или иные разделы курса психологии. Не мало в этом отношении уже сделано. Уже в этом году использовались отрывки из произведений Пушкина, Толстого, Островского, Шолохова и ряда других авторов для иллюстрации курса. Внимательно слежу я за газетами и журналами по вопросам внутренней международной политики и уже в этом году мною использован ряд материалов Кольцова об Испании, материалы по стахановскому движению и т.д. в целях связи курса с современностью. Внимательно в этом году останавливаюсь и прорабатываю со студентами основные педагогические выводы из каждого пройденного раздела.

Отношение студентов к занятиям

Есть ли у студентов интерес к читаемым курсам. Трудно ответить за всю массу студентов, но мне кажется, что этот интерес имеется. Так, например, по одному из последних моих занятий по воле я получил не менее 12 вопросов, подходят студенты с вопросами и после лекции. Студенты спешат на лекцию, чтобы занять лучшие места. Студенты на лекции внимательны, подавляющее большинство студентов ведет конспекты и многие очень неплохо, например, тов. Сайкина.

Показательным в этом отношении является III курс дошкольного отделения, который слушает с исключительно серьезным вниманием курс психологии, который мы кратко повторяем прежде чем перейти к проблемам детской психологии. Несмотря на то, что II курс уже слушал лекции по психологии у проф. Сырцова⁴⁷ и асс. Захарова, которые дали им по 100 часов по этому курсу, внимание их не снижается. По-моему, моя большая работа над курсом психологии находит свое отражение и интерес и внимание слушателей, в их контакте со мной и отражается в студенческих записях.

Отрицательные и положительные моменты в работе

Основными минусами в моей работе был: в отдельных случаях перенос лекций на другой час, не всегда давал план лекции, трудности. Связанные с чтением лекции перед аудиторией в 300 человек, что мешало использовать

⁴⁷ Речь идет о профессоре Анатолии Ивановиче Сырцове (род. в 1880), специалисте в области философии, гносеологии, логики, психологии и педологии, приехавшем из Пермского университета, где был деканом и членом первого президиума педагогического факультета. Занимался изучением философских взглядов Лейбница, Липпса, Мейнонга и Эйнштейна, феноменологии и большой логики Гегеля. В октябре 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован в сентябре 1956 г.

наглядные пособия и демонстрацию приборов. В актовом зале наличие столбов не дает возможность использовать доску, так как две трети студентов не видят ее и т.д.

Некоторые добавочные замечания по поводу своих позиций в области психологии:

С самого начала своей научно-исследовательской деятельности я всегда стоял на позиции материалистической психологии. Я подчас делал те или иные ошибки в своих работах. Я был одним из первых, кто сознательно встал вслед за проф. Корниловым на путь создания марксисткой психологии. И, если на прошлом заседании кафедры отмечалось, что целый ряд моих работ построен на фундаменте реактологии, то ведь в свое время это направление наиболее приближалось к позициям марксистской психологии, нежели все другие существующие тогда направления. Я вслед и вместе с Корниловым, Добрыниным и другими работниками пытался строить марксистскую психологию (пусть даже неумело механистически). Я рос, искал, ошибался и находил новые позиции вместе с ростом и развитием нашей советской марксистской психологии в лице ее научных представителей, и даже то, что я сделал попытку написать работу «Биологические и социальные основы современной психологии» показывает, что я один из первых понял недостатки позиции реактологии и попытался двинуться куда-то дальше, пусть даже неудачно. Мимо всего этого нельзя пройти при оценивании ни моего прошлого, ни моего настоящего. Сейчас я твердо стою на позициях марксистской психологии.

Мое заявление на прошлом заседании кафедры, что я считаю, что еще не вполне перестроился, означало и означает, что я слишком серьезно подходил к этому центральному вопросу, что не пересмотрел по отдельным проблемам всего своего багажа, всех проблем психологии, я не смел сказать, что я уже перестроился. За это полугодие я провел в этом направлении громадную работу и считаю, что она сейчас уже близится к концу, хотя еще не закончена полностью. Сейчас я уже мог бы сказать, что в основном я просмотрел весь материал своих лекций и считаю этот материал стоящим на уровне современных требований марксистской психологии данного этапа ее развития. В моих работах по психологии выражается не только мое личное мировоззрение, но и весь тот зигзагообразный и скачкообразные путь развития той научной дисциплины, представителем которой я являюсь. Что мои исследования, охватывающие не менее 10-12 тысяч испытуемых, как и мои работы и мои доклады на всех Всесоюзных съездах и конференциях отражают собой этот извилистый и чреватый подчас самыми

разнообразными ошибками путь советской психологии. Я, как показывают мои работы, был не вне этого кипящего котла борьбы, исканий, ошибок и стремлений к правильному пути, а в самом этом котле, но я всегда был вместе с наиболее прогрессивной и передовой группой наших советских психологов. Смее думать, что и сейчас, в год большого перелома и пересмотра целого ряда позиций нашей науки, я не остаюсь в стороне от общих усилий по перестройке всех своих позиций на основе постановления ЦК, а буду, как и раньше, идти в ногу со всем передовым, что есть в нашей психологии. Буду идти к полному овладению высотами подлинно марксистской психологии, очищенной от всего чуждого и вредного⁴⁸.

Александр Александрович эмоционально заявил о разрыве с прошлым, о своем переосмыслении прежних ошибок, не забыв, правда, вспомнить имя К.Н. Корнилова, бывшего какое-то отстраненным от руководства Институтом психологии, но в 1937 г., после очередной смены руководства Института, снова ставший его директором; с ним Гайворовский, как и С.М. Василейский, были в уважительно-дружеских отношениях.

В июле 1938 г. в Институте психологии было созвано широкое совещание, где «были подвергнуты обстоятельному аналитическому рассмотрению содержание и программы преподавания психологии в вузе. Психологи, приехавшие на это научно-методологическое мероприятие со всех концов СССР, не ограничились только критическим анализом структуры, содержания и пр. учебного пособия, но подвергли обсуждению и ряд вопросов, связанных с его выпуском, и информировали о текущей работе специалистов на местах» [29, с. 78]. Гайворовский и Василейский были в числе участников и на групповой фотографии они сидят рядом [там же].

Вводный доклад сделал директор Института профессор К.Н. Корнилов. «Психология, — сказал докладчик, — пока не заняла подобающего ей места среди других наук, выпускаемые психологами работы все еще отстают от практики социалистического строительства. Основную причину отставания надо видеть в недостаточной высоте идейно-политического уровня психологов, их неумении отобразить в научной тематике практические актуальные запросы современности и обеспечить теоретическую полноценность своих работ, что выражается прежде всего в том, что советская психология еще не сумела сломить традиций, норм и установок буржуазной науки и поставить на их место свои традиции, свои нормы и установки [там же].

За Гайворовским закрепились тема диссертации «Наглядность преподавания психологии», запись о которой встречается в плане научно-

⁴⁸ ГАСО. Р-2304. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 7-10.

исследовательской работы кафедры и на 1939 г. Своим опытом преподавания психологии с использованием таблиц-схем он делится в статье, опубликованной в «Ученых записках» КГПИ им. В.В. Куйбышева. К этому времени учителя и старшего друга Александра Александровича – С.М. Василейского – уволили из Горьковского педагогического института с формулировкой «за протаскивание педологических извращений в курсе детской психологии» [41], и он был вынужден уехать в Киров. Заметим, что больше мы не встречали подтверждений их дружбы.

Во время войны Александр Александрович оставался в Куйбышеве, продолжая работать в педагогическом институте. С ним на этой же кафедре педагогики работала и М.С. Петербургская. Несмотря на то, что они уже не жили вместе, отношения у них были дружеские. Их имена встречаются в годовом отчете о научно-исследовательской работе кафедры за 1942 г.:

Кафедра педагогики /зав. – доцент, кандидат педагогических наук т. Смирнов/. Большинство сотрудников кафедры успешно и с должным напряжением работало над научными работами, в особенности доценты Смирнов, Шиммель, Темкин. Доцент Шиммель защитил в 1942 году кандидатскую диссертацию на тему: «Педагогические и ...ческие (начало слова утрачено – примечание Н. Стоюхина) взгляды Лесгафта»; доцент Смирнов успешно работал над докторской диссертацией «Школьные реформы в России в 60-х годах XIX века». Однако крупным недочетом в работе этой кафедры следует считать тот факт, что профессор Гайворовский /психолог/, числящийся за собой докторскую диссертацию «Наглядность в преподавании психологии»⁴⁹, с 1936 года фактически никакой научной работы в 1942 году не вел, как, впрочем, не вел ее и в прошлые годы, вводя и себя и других в заблуждение. Это же относится к преподавателям Лепешинской и Петербургской. Но особенно крупным недочетом в научно-исследовательской работе каф. педагогики следует считать явно упорный уход ее сотрудников от актуальных проблем современной советской школы. У сотрудников кафедры сильно выражено стремление заниматься спокойными темами в области ранней истории педагогики. Такой энергичный отказ работать над современными проблемами воспитания в советской школе сотрудники кафедры объясняют большой трудностью работать и невозможностью совмещать систематическое исследование в школе с преподаванием в ВУЗе. Вряд ли это объяснение удовлетворительно. Однако Наркомпросу серьезно

⁴⁹ Официально было заявлено о работе в Куйбышевском пединституте над темами диссертаций: «Внеклассные беседы о героях Отечественной войны», «Воспитательное значение военно-физкультурных занятий в школе», «Санитарно-гигиенический режим в школе при двух- и трехсменных занятиях» [14].

подумать не только над формулировкой тем по педагогике, но и над созданием известных условий для их выполнения в Пединститутах.

На кафедре педагогики еще не создан настоящий творческий коллектив. Имеется тематическая распыленность в научной работе. Слаб и несовершенен контроль за научной работой со стороны зав.кафедрой, отчеты сотрудников на кафедре носят формальный, статистический характер, работы по их содержанию не заслушивались, сотрудники кафедры не участвовали в проведении ни одной научной конференции⁵⁰.

Сразу после войны Александр Александрович меняет тему диссертации, о чем мы узнаем из письма, подписанного директором института психологии А.А. Смирновым директору Куйбышевского пединститута:

АПН

Институт психологии

11/X-1947

Директору Куйбышевского пед.института

В начале 1946 г. на заседании Ученого совета Института психологии АПН был заслушан доклад проф. А.А. Гайворовского на тему «Ситуационная психология».

Замыслы автора готовить свою докторскую диссертацию в плане разработки психологии личности получили со стороны Ученого совета положительную оценку. Однако некоторые основные положения его доклада встретили серьезные возражения. Докладчику было указано на неясность употребления им терминов и понятий, на недостаточность аргументации по отдельным вопросам, на слишком широкий и расплывчатый характер поставленной им в своей работе проблемы.

Ввиду того, что со времени указанного доклада прошло около двух месяцев, целесообразно, чтобы проф. Гайворовский вторично выступил с докладом на ученом совете Института психологии и сообщил, как продвинулась его работа за истекший период. При этом желательно получить от проф. Гайворовского подробный проспект его диссертации с развернутой характеристикой содержания каждой главы.

Директор Института психологии,

действительный член АПН РСФСР А.А. Смирнов⁵¹.

Действительно, Галина Александровна вспоминала, что примерно в это время, т.е. когда ей было лет десять, ее отец изучал восприятие детьми художественных картин и как-то опрашивал Галину Александровну на эту

⁵⁰ ГАСО. Р. 2304. Оп. 1. Д. 106. Л. 2об.-3.

⁵¹ Из архива СГСПУ.

тему. Опрос проходил так. Он ей предъявил две открытки, на которой изображены мальчики, играющие на скрипке. Одна открытка – сусальная, красивая, где мальчик играет один. Вторая более прозаическая: играет мальчик, рядом сидящий старик низко опустил голову и обхватил ее руками. Вероятно, так тронула его музыка. Дочь должна была выбрать ту открытку, которая ей больше понравилась. Когда она выбрала вторую, Александр Александрович обрадовался.

Из характеристики на Гайворовского узнаем, что

В ученом звании профессора утвержден ГУСом Наркомпроса в 1931 г.

Имеет 38 научных работ, из них – 15 печатных.

С 1949/50 уч.г. ведет специальное экспериментальное исследование, охватившее 600 детей и подростков «Идейная направленность и развитие эстетических вкусов детей и подростков в области русской живописи 19 в.».

А.А. Гайворовский – член межфакультетского профбюро и в течение ряда лет руководит секцией преподавания психологии в средних школах города. 17/XI-1950

И еще одни «след в истории», оставленный Гайворовским. Это событие связано с Павловской сессией, проходившей 28 июня – 4 июля 1950 г. Основная задача сессии была озвучена академиком К.М. Быковым: «добиться во всех областях теории и практики коренного изменения отношения к павловскому учению с полным признанием классических открытий И.П. Павлова, как имеющих принципиальное и всеобщее значение для всех областей физиологии медицины. Исследования по разработке учения Павлова следует вести в строгом соответствии с тем проблемами, которые ставил сам Павлов, или вытекающие из существа его учения» [5, с. 36]. Выступавшие на сессии психологи Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн, В.Н. Колбановский, А.Р. Лурия объясняли высокому собранию причины того, что советские психологи не сумели положить в основу своей науки учение Павлова [25, с. 157], самокритично признавая, что они «искусственно отрывали свою работу свою работу от физиологического анализа, ограничивались описанием форм психической жизни и явно недостаточно преодолевали вредные влияния зарубежной идеалистической психологии» [там же, с. 630], называли темы, которые должны войти в новые учебники по психологии [там же, с. 311], призывали психологов «направить научно-исследовательскую работу в сторону изучения закономерностей высшей нервной деятельности, порождающих психические явления» [там же, с. 426], впрочем, не забывая «общественных закономерностей, существенно преобразующих деятельность материального субстрата психических явлений» [там же, с. 429].

Важным этапом в развитии психологии в этих условиях стало Совецание по вопросам психологии, созванное Президиумом Академии педагогических наук РСФСР (30 июня – 5 июля 1952 г.), посвященное перестройке психологии в соответствии с павловским учением. Совецание проходило «через два года после выхода в свет гениальных трудов И.В. Сталина о языкознании и после Объединенной сессии АН СССР и АМН СССР... Основная задача совещания состояла в том, чтобы развернуть свободный обмен мнениями по коренным вопросам перестройки психологии, вскрыть основные причины отставания психологической науки от современных требований, наметить пути ее дальнейшего развития» [23, с. 88]. Присутствовало более 400 научных работников из РСФСР и союзных республик. Особое внимание было уделено обсуждению двух важных положений: методологическому принципу изучения психического на основе взаимосвязи психических явлений и внешних материальных условий (доклад профессора А.А. Смирнова), а также признание и доказательство того, что возможно объективное изучение субъективных по своей природе психических явлений (доклад профессора Б.М. Теплова). В числе выступавших (их было 44 человека, а те, кто не успели выступить, передали письменные доклады в Президиум) – В.А. Просецкий, В.С. Мерлин (Казань), Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, М.Н. Шардаков, Ю.А. Самарин (Ленинград), С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, И.А. Каиров, Н.А. Менчинская, И.А. Арямов, З.И. Чучмарев, Л.В. Занков, В.В. Артемов, Н.Ф. Добрынин, Д.Б. Эльконин, А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин, Е.Н. Соколов, Е.И. Бойко (Москва), Р.Г. Натадзе, И.Т. Бжалава (Тбилиси), М.А. Мазманян (Ереван), Г.С. Костюк (Киев), П.И. Зинченко (Харьков), В.М. Экземплярский (Челябинск) и др. – вдруг раздался голос профессора А.А. Гайворовского, «нарочито преувеличившего опасность вульгаризации павловского учения при внедрении его в психологию» [там же, с. 95]. Как пишут участники совещания, «он утверждал: “В нашей области больше, чем где бы то ни было, требуется очень большая осторожность и вдумчивость, чтобы не получилось на практике, что от великого до смешного один шаг... И сейчас в высказываниях отдельных товарищей мне кажется опасным их легкое и слишком свободное оперирование павловскими терминами”. В подтверждение своей мысли проф. Гайворовский позволил себе сослаться на сделанную лет тридцать тому назад идеалистом и противником павловского учения Португаловым издевательскую интерпретацию в терминах условных рефлексов “сказки о сереньком козликe”. Эту позицию проф. Гайворовского трудно оценить иначе, как одну из форм скрытого сопротивления решительной перестройке психологии на павловской основе» [там же].

Вот такая эскапада от провинциала напоследок...

Реплика Александра Александровича, опубликованная группой авторитетных авторов статьи, не осталась незамеченной на кафедре. 14 октября 1952 г. на заседании кафедры разбирали «сообщение профессора А.А. Гайворовского по поводу замечания группы авторов относительно его выступления на съезде в июле 1952 г.»⁵². Он зачитал фрагмент статьи, после чего выступила старший преподаватель М.С. Петербургская:

1. Авторы замечания оценили выступление А.А. Гайворовского по вопросу о том, что требуется большая осторожность и вдумчивость, чтобы не получилось на практике вульгаризация учения Павлова, расценив как одну из форм скрытого сопротивления решительной перестройке психологии на павловских основах.

Считаю, что такого скрытого сопротивления у А.А. Гайворовского нет. Он основательно и глубоко изучает учение Павлова. Он первый стала выступать с докладами об учении Павлова применительно к вопросам психологии (на Ученом Совете, кафедре, методическом объединении учителей). На кафедре обсуждались его конспекты, которые также говорили о значительной перестройке работы.

2. Считаю большой ошибкой то, что А.А. выступил на совещании без предварительной подготовки, не обсудив содержание своего выступления на кафедре.

3. Считаю большой ошибкой то, что он говорил о необходимости осторожного подхода к внедрению учения Павлова в практику, чтобы не допустить вульгаризации его. Опасность вульгаризации имеется, но на данном этапе главной опасностью является то, что перестройка работы на основе учения Павлова идет недостаточно интенсивно и надо было акцентировать внимание совещания не на вопросе осторожного подхода к внедрению учения Павлова в практику работы, а наоборот говорить о необходимости более глубокого изучения учения Павлова и призвать к решительной перестройке все работы на его основе.

4. Ошибкой А.А. Гайворовского является привычка выступать на собраниях без предварительной тщательной подготовки.

Ассистент Л.И. Кадочкин в своем выступлении отмечает, что согласен с М.С. Петербургской, что выступление, особенно по важным вопросам, нужно продумывать тщательно и. если это выступление делается от лица кафедры, то его нужно вначале обсудить на заседании. Согласен и с тем, что А.А. Гайворовский уделяет очень много внимания научению учения

⁵² ГАСО. Ф. 2304. Оп. 1. Д. 404. Л. 10.

И.П. Павлова и советовал нам это делать неоднократно, очевидно, его мысли о форме, способах перестройки не были четко сформулированы и тщательно продуманы, а цитирование о козлике из Португалова я склонен объяснять тем, что А.А. Гайворовский в погоне за эффектным, забавным примером не увидел главное содержания, не соответствующего необходимости, что профессор А.А. Гайворовский разъяснил устно или письменно свои взгляды по этому вопросу.

Зав. кафедрой профессор Сергиевский в своем выступлении по этому вопросу отметил, по тому, что цитирует Менчинская, нет основания думать, что у профессора А.А. Гайворовского имеется скрытое сопротивление учению И.П. Павлова. Большое значение имеет, в каком тоне было выступление профессора А.А. Гайворовского. Мы об этом в данный момент не можем иметь правильных суждений⁵³.

Коллеги поддержали Александра Александровича, ведь, действительно, он искренне внедрял учение И.П. Павлова, о чем свидетельствует рукопись его статьи «Наглядность в свете учения И.П. Павлова о 1-й и 2-й сигнальных системах»⁵⁴.

В это же время его заинтересовали люди с необычными возможностями, и он дружил с артистами цирка, среди которых были укротители Н.П. Гладильщиков, И.Ф. Рубан, И.Н. Бугримова, артист оригинального жанра, исполнитель номера «Живая счетная машина» Я.Г. Острин. Общается с директором Куйбышевского художественного музея и председателем правления Куйбышевского областного Союза художников А.Н. Михрянном. Интерес к психологии творческих людей подтолкнул его к сбору материала для будущей книги, о чем можно узнать из письма Н.П. Гладильщикова: он сообщает, с кем ему удалось договориться для интервью Гайворовского (один из них – дрессировщик Н.П. Волков). Сохранилась фотография, подаренная Я.Г. Остриным Гайворовскому, где на обороте надпись: «1953 г. Милому профессору А.А. Гайворовскому на память о совместной работе на пользу человечеству». Фото от И.Ф. Рубана также подписано: «На долгую, добрую память товарищу А.А. Гайворовскому. г. Куйбышев, 9.VII. 1952 год».

Ничего не известно о научной деятельности Александра Александровича в 1950-е гг. Он ушел на пенсию в феврале 1961 г., умер 8 мая 1963 г., предварительно написав на листочке, «что нужно сделать». В трогательных восьми пунктах содержится последняя забота о своих близких. Галина Александровна вспоминала, что 29 апреля он объехал всех своих знакомых и

⁵³ ГАСО. Ф. 2304. Оп. 1. Д. 404. Лл. 12-13.

⁵⁴ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

пригласил их на свое последнее торжество. Никто, конечно, ничего не понял, а вскоре он скончался»⁵⁵.

В частной переписке Галина Александровна вспоминала: «отец был интеллигентом типа Лихачева. Их манера поведения очень похожа. Человек был высоко эрудированный. Говорят, что лектор был блестящий. Гайворовского все окружающие обожали, любили и почитали. Все, кроме его жен. Те жалели, но расставались с ним. Между собой они были очень дружны, т.к. понимали друг друга. ... А.А. любил красивые вещи. Вся его квартира была уставлена старинными статуэтками, старинными часами, был стол орехового дерева из имения Орловых-Давыдовых, где его отец работал землемером».

Вот такая жизнь одного малоизвестного ученого, со всем своим романтическим энтузиазмом откликнувшегося на лозунги и требования новой жизни, искренно участвовавшим в перестройке психологии в 1920-х гг. Постановление 1936 г. изменило его, как и других педологов и психотехников. Немедленно начав мимикрировать, чтобы стать незаметными и уцелеть, они взялись разрабатывать новые темы и проблемы, как правило, педагогические. Было ли им также интересно? Трудно ответить, наверное, кому как... Но из их работ будто пропал свежий ветер и звонкий ритм, ощутимый и слышимый порой в их ранних «сырых», небрежных, дерзких исследованиях. «Время, вперед!» закончилось надолго.

Список литературы:

1. Антонюк С. I Всесоюзный съезда по изучению поведения человека // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2-3. С. 226-231.
2. Асіповіч М.П. Высшее образование в Белоруссии // Красная молодежь. 1924. № 2. С. 157.
3. Бебчук Л.С., Гайворовский А.А., Резников М.А. Показания и противопоказания к приему женщин в профессию наждачницы на Ростсельмаше // Труды Азово-Черноморского краевого научно-исследовательского института охраны материнства и младенчества. 1934. Вып. 1. С. 12-27

⁵⁵ Из писем Г.А. Петербургской Н. Стоюхиной.

4. Булгаков В. О высшей школе и о науке // Голос студенчества. 1910. № 7. С. 2-5.
5. Быков К.М. Развитие идей И.П. Павлова (задачи и перспективы) // К.М. Быков. Избр. произведения. Т. 1. М., 1953. С. 316–364.
6. Василейский С.М., Гайворовский А.А., Вержболович С.М. Из теории и практики профориентации и профконсультации (для педагогов, педологов, врачей и студентов). Минск, 1929. 138 с.
7. Винокур Г.О. Биография и культура /Предисловие В.А. Виноградова. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 96 с.
8. Возвращенные имена: Сотрудники Академии наук Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий /Сост. и автор предисл. Н.В. Токарев; Под ред. А.С. Махнач. Мн.: Навука і тэхніка, 1992. 120 с.
9. Вольфсон С. Классовая борьба на научном фронте Белоруссии // Фронт науки и техники. 1931. № 1. С. 35-42.
10. Всесоюзный психотехнический съезд // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 2-3. С. 171-173.
11. Гайворовский А. Зачарованные тропинки (Эскизы, настроения, фантазии, интуиции, реальности). 1916-1926. Б/м.
12. Гайворовский А.А., Андреева В.Н. опыт применения целостного эксперимента для исследования технически конструктивного развития школьников (к типологии технически-конструктивного развития) // Труды Северо-Кавказского института организации труда. 1932. С. 67-86.
13. Горецкий М. Белорусская литература // Октябрь. 1928. № 4. С. 220-225.
14. Доброхотов С.П. О научно-исследовательской тематике кафедр педагогики педагогических институтов // Советская педагогика. 1944. « 2-3. С. 47-50.
15. Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»; практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017. 208 с.
16. Из газет и журналов // Советская психотехника. 1932. № 1-2. С. 139-142.
17. Ильинский И. Заметки о высшей школе // Новый мир. 1929. № 3. С. 225-232.
18. Кандыбович Л.А., Стоюхина Н.Ю. Александр Александрович Гайворовский: психолог, педагог, психотехник // Проблемы выхавання. 2009. № 6. С. 27-34.
19. Кириенко А. Из работ I Педологического съезда // На путях к новой школе. 1928. № 1. С. 22-31.
20. Колбановский В. О психологическом образовании в СССР // Фронт науки и техники. 1936. № 8. С. 50-55.

21. Корнилов К.Н. Методика преподавания психологии в педагогических институтах // Педагогическое образование. 1935. № 5. С. 40-53.
22. Мазилев В.А., Стоюхина Н.Ю. Последняя осень советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 4. С. 223-236.
23. Менчинская, Н.А., Соколов М.В., Шемякин Ф. Н. К итогам совещания по вопросам психологии // Советская педагогика. 1952. № 8. С. 88-99.
24. На совещаниях заведующих кафедрами педагогики и преподавателей психологии в педвузах // Педагогическое образование. 1936. № 5. С. 39-43.
25. Научная сессия, посвященная проблемам, физиологического учения И.П. Павлова. 28 июня – 4 июля 1950. Стенографический отчет. М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 735 с.
26. Полянский Н.Я. Научные кружки их задачи // Голос студенчества. 1910. № 4. С. 2.
27. Португалов Ю.В. По поводу полемики проф. Чижа и д-ра Каплана // Вопросы философии и психологии. 1903. № 1. С. 146-155.
28. Преподавание психолого-педагогических дисциплин на педагогическом факультете БГУ // Асьвета. 1926. № 4. С. 141.
29. Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования. Документальная летопись к 100-летию со дня основания. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. 248 с.
30. Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека). Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л.: Госмедиздат, 1930. 384 с.
31. Психофизиология труда и психотехника. М.: Госмедиздат, 1929. 250 с.
32. Рождественский С.И. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. 785 с.
33. Романов А.А. Опыт-экспериментальная педагогика первой трети XX века. М.: Кн.-журн. изд-во «Школа», 1997. 304 с.
34. Рубинштейн С.Л. Вопросы преподавания психологии в педвузе // Педагогическое образование. 1935. № 4. С. 40-44.
35. Рыбников Н. Советский школьник по работам секции первого школьного возраста // На путях к новой школе. 1928. № 1. С. 43-49.
36. Стоюхина Н.Ю. Взаимодействие и противостояние психологии и физиологии в школьных учебниках в СССР в 1950-е гг. // Методология и история психологии. 2009. Том 4. Выпуск 2. С. 76-86.
37. Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи педагоги в Нижегородском университете: 1918-1921 гг. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2013. 307 с.

38. Стоюхина Н.Ю. Гуманитарное образование в провинции. Нижегородский университет в первые годы советской власти. Санкт-Петербург: Любавич, 2011. 232 с.
39. Стоюхина Н.Ю. Проблемы изучения истории «провинциальной психологии» // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1 (38). С. 152-157.
40. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. 429 с.
41. Стоюхина Н.Ю. Судьба и научное творчество Серафима Михайловича Василейского // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. № 2. С. 115-131.
42. Стоюхина Н.Ю., Кандыбович Л.А. Психотехники Беларуси: имена и судьбы (20-30-е гг. XX ст.). Минск: Тесей, 2009. 328 с.
43. Храмов Л.В. Рождение Самарского государственного университета // http://www.universite.ssau.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=295&Itemid=73
44. Чуковский К. Бобровка на Сапе // Новый мир. 1931. № 2. С. 128-137.
45. Хроника // Волжская коммуна. 1934. 12 декабря. С. 4.
46. Хроника. Новый состав Правления Ростовского отделения ВОПиПП // Советская психотехника. 1933. № 3. С. 289.

References:

1. Antonyuk S. I Vsesoyuznyiy s'ezda po izucheniyu povedeniya cheloveka // Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. 1930. # 2-3. S. 226-231.
2. Asipovich M.P. Vyishee obrazovanie v Belorussii // Krasnaya molo-dezh. 1924. # 2. S. 157.
3. Bebchuk L.S., Gayvorovskiy A.A., Reznikov M.A. Pokazaniya i protivopokazaniya k priemu zhenshin v professiyu nazhdachnitsyi na Rost-selmashe // Trudyi Azovo-Chernomorskogo kraevogo nauchno-issledovatel-skogo instituta ohranyi materinstva i mladenchestva. 1934. Vyip. 1. S. 12-27
4. Bulgakov V. O vyishey shkole i o nauke // Golos studenchestva. 1910. # 7. S. 2-5.
5. Byikov K.M. Razvitie idey I.P. Pavlova (zadachi i perspektivy) // K.M. Byikov. Izbr. proizvedeniya. T. 1. M., 1953. S. 316–364.
6. Vasileyskiy S.M., Gayvorovskiy A.A., Verzhbolovich S.M. Iz teorii i praktiki proforientatsii i profkonsultatsii (dlya pedagogov, pe-dologov, vrachey i studentov). Minsk, 1929. 138 s.

7. Vinokur G.O. Biografiya i kultura /Predislovie V.A. Vinogrado-va. M.: Izdatelstvo LKI, 2007. 96 s.
8. Vozvrashchennyye imena: Sotrudniki Akademii nauk Belarusi, postra-davshie v period stalinskih repressiy /Sost. i avtor predisl. N.V. Tokarev; Pod red. A.S. Mahnacha. Mn.: Navuka i tehnika, 1992. 120 s.
9. Volfson S. Klassovaya borba na nauchnom fronte Belorussii // Front nauki i tehniki. 1931. # 1. S. 35-42.
10. Vsesoyuznyiy psihotekhnicheskiiy s'ezd // Psihotekhnika i psiho-fiziologiya truda. 1931. # 2-3. S. 171-173.
11. Gayvorovskiy A. Zacharovannyye tropinki (Eskizyi, nastroyeniya, fantazii, intuitsii, realnosti). 1916-1926. B/m.
12. Gayvorovskiy A.A., Andreeva V.N. opyt primeneniya tselostno-go eksperimenta dlya issledovaniya tekhnicheskii konstruktivnogo raz-vitiya shkolkov (k tipologii tekhnicheskii-konstruktivnogo razvi-tiya) // Trudy Severo-Kavkazskogo instituta organizatsii truda. 1932. S. 67-86.
13. Goret'skiy M. Belorusskaya literatura // Oktyabr. 1928. # 4. S. 220-225.
14. Dobrohotov S.P. O nauchno-issledovatel'skoy tematike kafedr pedagogiki pedagogicheskiih institutov // Sovetskaya pedagogika. 1944. « 2-3. S. 47-50.
15. Ereemeeva A.N. «Nahodyas po usloviyam vremeni v provin-tsii...»; praktiki vyizhivaniya rossiyskiih uchenyih v gody Grazhdan-skoy voynyi. Krasnodar: Platonov I., 2017. 208 s.
16. Iz gazet i zhurnalov // Sovetskaya psihotekhnika. 1932. # 1-2. S. 139-142.
17. Ilinskiy I. Zametki o vyisshey shkole // Novyy mir. 1929. # 3. S. 225-232.
18. Kandyibovich L.A., Stoyuhina N.Yu. Aleksandr Aleksandrovich Gayvorovskiy: psiholog, pedagog, psihotekhnik // Prablemy vyiha-vannya. 2009. # 6. S. 27-34.
19. Kirienko A. Iz rabot I Pedologicheskogo s'ezda // Na putyah k novoy shkole. 1928. # 1. S. 22-31.
20. Kolbanovskiy V. O psihologicheskome obrazovanii v SSSR // Front nauki i tehniki. 1936. # 8. S. 50-55.
21. Kornilov K.N. Metodika prepodavaniya psihologii v pedago-gicheskiih institutah // Pedagogicheskoe obrazovanie. 1935. # 5. S. 40-53.
22. Mazilov V.A., Stoyuhina N.Yu. Poslednyaya osen sovetskoy psi-hotekhniki // Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik. 2014. T. 2. # 4. S. 223-236.
23. Menchinskaya, N.A., Sokolov M.V., Shemyakin F. N. K itogam so-veschaniya po voprosam psihologii // Sovetskaya pedagogika. 1952. # 8. S. 88-99.
24. Na soveshaniyah zaveduyuschiih kafedrami pedagogiki i prepoda-vateley psihologii v pedvuzah // Pedagogicheskoe obrazovanie. 1936. # 5. S. 39-43.

25. Nauchnaya sessiya, posvyaschennaya problemam, fiziologicheskogo ucheniya I.P. Pavlova. 28 iyunya – 4 iyulya 1950. Stenograficheskiy otchet. M.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 735 s.
26. Polyanskiy N.Ya. Nauchnyie kruzhki ih zadachi // Golos studenche-stva. 1910. # 4. S. 2.
27. Portugalov Yu.V. Po povodu polemiki prof. Chizha i d-ra Kap-lana //Voprosyi filosofii i psihologii. 1903. # 1. S. 146-155.
28. Prepodavanie psihologo-pedagogicheskikh distsiplin na pedago-gicheskom fakultete BGU // Asveta. 1926. # 4. S. 141.
29. Psihologicheskiy institut v Moskve: rossiyskiy tsentr psiho-logicheskoy nauki, kulturyi i obrazovaniya. Dokumentalnaya leto-pis k 100-letiyu so dnya osnovaniya. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2013. 248 s.
30. Psihonevrologicheskie nauki v SSSR (Materialyi I Vsesoyuz-nogo s'ezda po izucheniyu povedeniya cheloveka). Otv. red. A.B. Zal-kind. M.-L.: Gosmedizdat, 1930. 384 s.
31. Psihofiziologiya truda i psihotekhnika. M.: Gosmedizdat, 1929. 250 s.
32. Rozhdestvenskiy S.I. Istoricheskiy obzor deyatelnosti Mini-sterstva narodnogo prosvescheniya. 1802-1902. SPb., 1902. 785 s.
33. Romanov A.A. Opyitno-eksperimentalnaya pedagogika pervoy treti HH veka. M.: Kn.-zhurn. izd-vo «Shkola», 1997. 304 s.
34. Rubinshteyn S.L. Voprosyi prepodavaniya psihologii v pedvuze // Pedagogicheskoe obrazovanie. 1935. # 4. S. 40-44.
35. Ryibnikov N. Sovetskiy shkolnik po rabotam seksii pervogo shkolnogo vozrasta // Na putyah k novoy shkole. 1928. # 1. S. 43-49.
36. Stoyuhina N.Yu. Vzaimodeystvie i protivostoyanie psihologii i fiziologii v shkolnyih uchebnikah v SSSR v 1950-e gg. // Metodo-logiya i istoriya psihologii. 2009. Tom 4. Vyipusk 2. S. 76-86.
37. Stoyuhina N.Yu. Vyidayuschiesya psihologi pedagogi v Nizhego-rodskom universitete: 1918-1921 gg. Nizhniy Novgorod: Izdatel-stvo Nizhegorodskogo universiteta, 2013. 307 s. Pechataetsya po re-sheniyu UchYonogo soveta NNGU. Ser. K 100-letiyu NNGU
38. Stoyuhina N.Yu. Gumanitarnoe obrazovanie v provintsii. Ni-zhegorodskiy universitet v pervyie godyi sovetskoy vlasti. Sankt-Peterburg: Lyubavich, 2011. 232 s.
39. Stoyuhina N.Yu. Problemyi izucheniya istorii «provintsial-noy psihologii» // Mir nauki, kulturyi, obrazovaniya. 2013. # 1 (38). S. 152-157.
40. Stoyuhina N.Yu. Psihologiya vozdeystviya v sovetskoy psihoteh-nike: 1920-1930-e gg. Yaroslavl: RIO YaGPU, 2016. 429 s.

41. Stoyuhina N.Yu. Sudba i nauchnoe tvorchestvo Serafima Mi-haylovicha Vasileyskogo // Metodologiya i istoriya psihologii. 2010. T. 5. # 2. S. 115-131.
42. Stoyuhina N.Yu., Kandyibovich L.A. Psihotehniki Belarusi: imena i sudbyi (20-30-e gg. НН st.). Minsk: Tesey, 2009. 328 s.
43. Hramkov L.V. Rozhdenie Samarskogo gosudarstvennogo univer-siteta // http://www.universite.ssau.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=295&Itemid=73
44. Chukovskiy K. Bobrovka na Sare // Novyy mir. 1931. # 2. S. 128-137.
45. Hronika // Volzhskaya kommuna. 1934. 12 dekabrya. S. 4.
46. Hronika. Novyy sostav Pravleniya Rostovskogo otdeleniya VOPIPP // Sovetskaya psihotehnika. 1933. # 3. S. 289.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/gaivarovskyaa.php>

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)